

В.А.Колотухин

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ БАЙ-КИЯТ В КРЫМУ

V.A. Kolotukhin. The Late Bronze Age Settlement in Bay-Kiyat, Crimea.

The settlement is situated on the Black Sea coast in north-western Crimea. Its area is not identified, the three excavations during 1991-1995 having uncovered 2,100 sq. m. (fig. 1;2). By the time the settlement emerged, the coastal area represented an even plot covered by a layer of sand 0.35 – 0.65 m thick. Beneath it there was a layer of solid chernozom (black soil) as thick as almost 0.2 m; the latter lies on a layer of detritus-containing loam overlying a coquina rock. The first huts were let in chernozom from the sand level and reached at places the detritus-containing loam. The cultural remains accumulated during all the periods of settlement lie in the grey sand. The thickness of the cultural deposition on the areas without any constructions is 0.2 – 0.5 m (fig. 9,1-3). The earliest constructions are stretched in a row and oriented from north-west to the south-east. Typical for the later construction periods is both reconstruction of earlier dwellings and erection of new ones either instead of the former or close to them (fig. 3-8). The constructions are of almost rectangular shape and oriented from north to south, most often with a deviation to the axe NNE-SSW. Narrow long corridors stretch on the southern side. The foundation ditches of constructions and corridors were tiled with ragged plates of limestone and coquina. Totally not less than 4 construction periods are observed here. The useful area of dwellings during the first three construction periods equals 34 to 56 sq. m., while it is only 10 to 20 sq. m. in the last one. The reconstruction of the structures yields huts with hip- or pyramidal roof with pitches touching the edge of the foundation pit (fig. 9,4,5).

Pottery and other findings (fig. 10-19) suggest attribution of the settlement to the sites of Sabatinovka-Belozerka circle and allow dating it by XII-XI BC.

1. Стратиграфия, планировка, домостроительство

Поселение расположено в 3 км к северо-западу от с. Владимировка (бывш. Бай-Кият) Черноморского района, на относительно высоком (4,5 x 5,0 м над уровнем моря) берегу. С востока оно ограничено балкой, с севера — морем, южная и западная границы фиксируются по невысоким всхолмлениям, образованным песчаными наносами на месте древних построек. Береговая линия моря в древности находилась севернее, а его уровень был, очевидно, ниже. В пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что северо-западная оконечность поселения оказалась разрушенной абразией берега, а стены крайней постройки к моменту раскопок нависали над морем. Кроме того, балка, ограничивающая поселение с востока, в древности являлась руслом реки, которая могла быть единственным источником пресной воды для местных обитателей; в настоящее время даже при небольших штормах она заполняется морской водой (рис. 1). Все известные поселения эпохи поздней бронзы в этом районе расположены по берегам ныне сухих балок, чаще всего в их верховьях, что говорит об ином, отличном от современного, водном режиме.

Отмеченные выше песчаные наносы наиболее рельефно выражены на участке шириной около 35 м, длиной около 120 м, который явля-

ется, как показали раскопки, местом наиболее интенсивной застройки. Здесь перепад высотных отметок достигает 1,3 м; на периферии местность выполаживается, но остатки жилищ, во всяком случае на частично исследованной южной окраине, имеют лучшую сохранность. Общая площадь поселения не определена — слабо выраженный культурный слой в виде подзолистого грунта, включающего кости животных и фрагменты керамики эпохи средней и поздней бронзы, а также античной, зафиксирован при шурфовке окрестностей поселения на расстоянии до 300 м к югу и до 700 м к западу от него.

Поселение открыто А.А.Щепинским, который в 1973 г. заложил в прибрежной полосе несколько разведочных раскопов. В 1974 г. раскопки на поселении проводил автор этих строк по открытому листу и под общим руководством А.А.Щепинского. Тогда же открыто первое углубленное помещение с каменной облицовкой котлована (рис. 2). Какие-то работы проводились в 1975 г., но их характер и результаты мне не известны. Во всяком случае, новые постройки открыты не были. Раскопки на поселении возобновились в 1991 г. В 1991 — 1992 гг. ведущей организацией являлась лаборатория по изучению этнической истории Крыма Симферопольского госуниверситета, в 1993 — 1995 гг. — Крымский филиал

Рис. 1. Схемплан расположения поселения Бай-Кият.

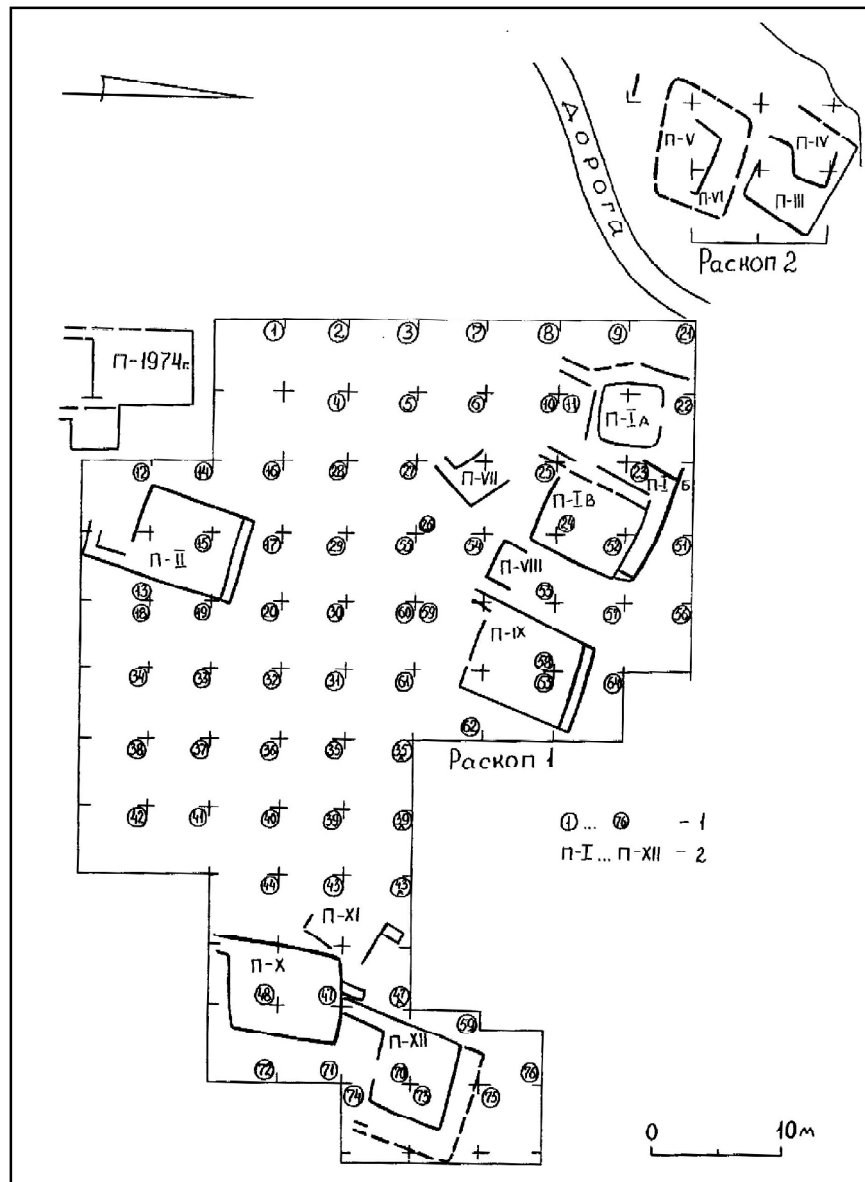
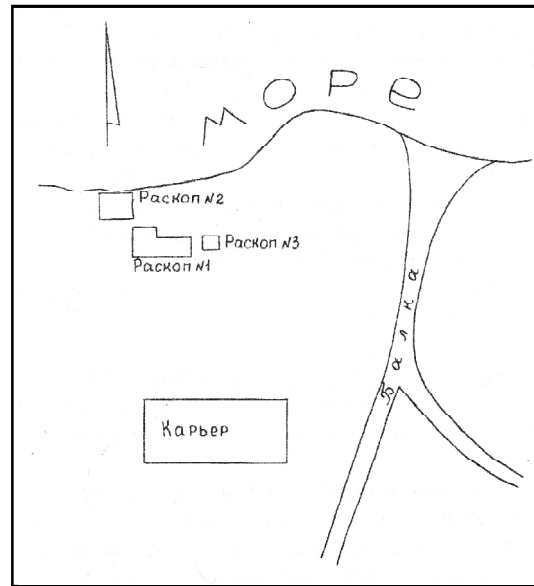

Рис. 2. План раскопов № 1 и № 2. 1 — номера квадратов, 2 — номера помещений.

Института археологии НАН Украины. Финансирование осуществлялось Госкомитетом по охране и использованию памятников истории и культуры Крыма, в 1995 г. раскопки проводились за собственный счет. Скромные объемы финансирования обусловили незначительность раскрытых площадей, а охранный характер работ — приоритет интересов сохранения памятника над научными при выборе, главным образом, нарушенных участков под раскопы.

Раскоп №1 заложен между современной грунтовой дорогой и раскопом 1974 г., раскрытая площадь составляет 1700 м²; раскоп №2 площадью 300 м² — в 26 м к северо-западу от первого, в прибрежной полосе; раскоп №3 — в 10 м к востоку от первого, здесь раскрыто 100 м² (рис. 2).

К моменту возникновения поселения участок берега представлял собой относительно ровную площадку, занесенную песком; толщина песчаного слоя колеблется в небольших пределах — от 0,35 до 0,65 м, песок чистый, как бы промытый, желтоватого цвета в нижней части, желтовато-серого — в верхней. Его подстилает слой плотного погребенного чернозема, толщина которого не превышает 0,2 м; последний покоится на прослойке щебенистого суглинка, перекрывающего ракушечниковую скалу. Первые полуземлянки впущены с уровня песчаного слоя в чернозем, местами — до щебенистого суглинка. Культурные остатки, накопившиеся за все периоды функционирования поселения, залегают в песке серого цвета, оттенки которого меняются в зависимости от степени насыщенности золой и гумусом. Толщина культурного слоя, т.е. золистого песка с различной концентрацией костей, обломков керамики и т.д. на незастроенных участках составляет 0,2 — 0,5 м; он перекрыт слабогумусированным песком золотого происхождения (рис. 9.1 — 3). Поселение неоднократно покидалось. При возобновлении жизни перестраивались старые жилища и возводились новые, при этом каменные стены старых построек полностью или частично разбирались. Разборка стенок с целью выборки камня осуществлялась не только в древности: на одних участках на месте разобранных кладок культурный слой имеет однородный характер, на других оплывшие ямы с нечеткими контурами имеют более темное заполнение. Синхронизация построек и их хронологическая дифференциация представляют большую трудность как по причине единства строительной техники и планировки жилищ, так и потому, что не всегда удается проследить, с какого уровня последние впущены. В целом, однако, установлено, что наиболее ранние постройки были вытянуты в одну линию. Ниже их описание дается, начиная с предполагаемой ранней оси поселения.

Помещения III — VI и VIA выявлены на участке раскопа №2, из них три последние, перекрытые современной дорогой, остались недо-

исследованными. Высотные промеры на раскопе №2 производились от репера, установленного на борту раскопа, абсолютная отметка которого от уровня моря составляла 4,55 м.

Помещение III (рис. 3). Крайнее с северо-запада, располагалось непосредственно над береговым обрывом. В плане оно подпрямоугольной формы, ориентировано по оси северо-восток — юго-запад¹, его внутренние размеры 5,2 x 7,2 м, котлован впущен с уровня стерильного песка на глубину 0,55 м. Пол — щебенистый суглинок, прослежены отдельные пятна глея, которые, возможно, являются остатками глиняной обмазки пола. Каменные стены сохранились фрагментарно: от северо-восточной — участок длиной 2,65 м, от юго-восточной — две плиты, находившиеся на расстоянии 2,50 м одна от другой, от северо-западной — одна угловая плита. На остальной площади контуры помещения реконструируются по краю котлована и углублениям, в которые были установлены плиты, не сохранившиеся к моменту раскопок. Высота стен до 0,6 м, кладка комбинированная: из одного ряда плит, установленных на ребро, и трех — четырех рядов плит, уложенных плашмя между вертикально стоящими плитами. Вход, насколько об этом позволяет судить котлован, находился в наиболее нарушенной юго-западной части помещения.

С помещением III связан открытый очаг, располагавшийся в 1,7 м от центра юго-восточной стены. В плане он подпрямоугольной формы, по периметру ограничен вкопанными в пол известняковыми плитками на ребро, высота плиток от уровня пола 5 — 10 см, размеры очага 0,95 x 0,85 м. По его диагонали располагалась яма, ее размер по верху 0,54 x 0,33 м, по дну 0,44 x 0,28 м, глубина 0,20 м. Основание очага и края ямы прокалены. Внутри помещения III выявлено несколько ям разного размера, большинство из которых с ним, по-видимому, не связаны; по аналогии с другими помещениями, с ним можно уверенно соотнести лишь яму, располагавшуюся в северо-западном углу.

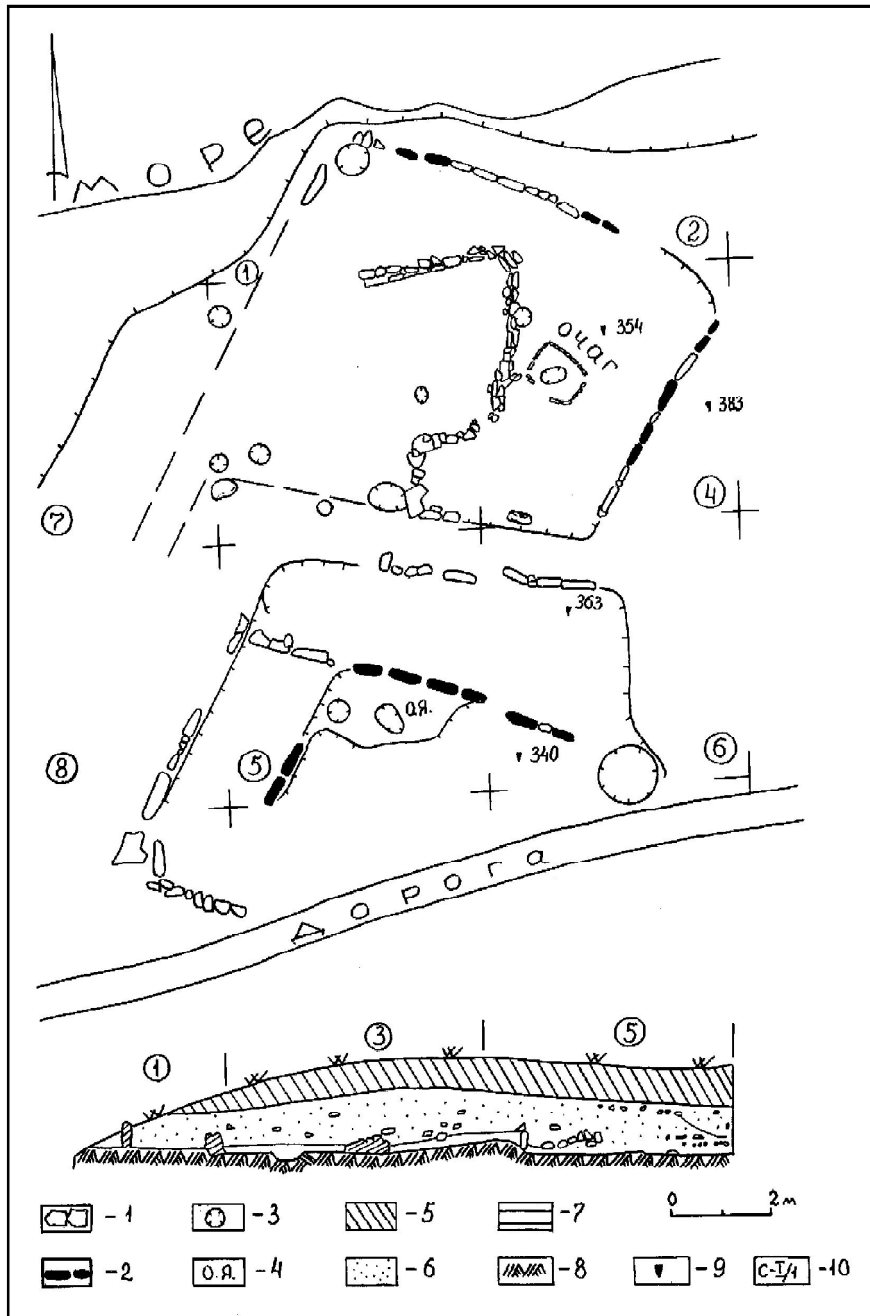
В 1 м к западу от юго-восточного помещения, где кладка не сохранилась, на откосе котлована, лежал череп, а под ним — крестец крупного животного. На границе квадратов №3 и №7, где борт котлована не прослежен (разрушен в последующие строительные периоды), на уровне пола помещения III, с внешней стороны реконструируемой стены, на каменной вымостке, лежал разрубленный на две части позвоночный столб крупного животного с коротко (длиной 2 — 10 см) обрубленными ребрами.

Помещение IV (рис. 3). Впущено в центральную часть помещения III до уровня пола последнего; сохранилось фрагментарно. Помещение IV ориентировано почти строго с севера на юг;

¹ Здесь и далее ориентация помещений дается по линии коридоров.

Рис. 3. Раскоп № 2.

План и стратиграфия. 1 — камни; 2 — ямки, в которые устанавливались плиты облицовки котлованов; 3 — столбовые и хозяйственные ямы; 4 — очажные ямы; 5 — песок; 6 — культурный слой; 7 — чернозем; 8 — материк; 9 — высотные отметки от уровня моря; 10 — номера стенок помещений: в числителе — номер помещения, в знаменателе — номер стены.

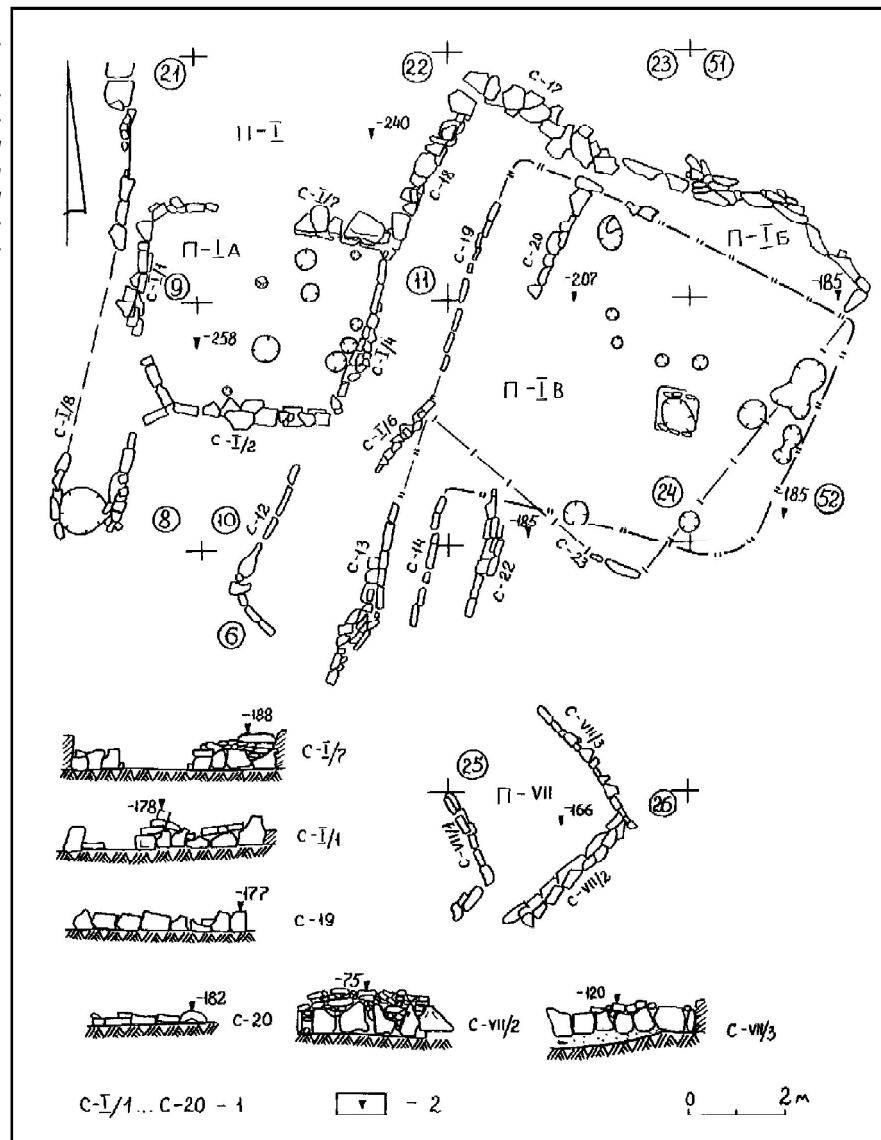
длина восточной стенки 3,35 м, сохранившаяся длина северной 2,55 м, южной 1,30 м. К западной части последней, образуя с ней прямой угол, примыкала восточная стенка коридора длиной 1,6 м; западные стенки коридора и помещения не сохранились. Кладка комбинированная — из плит на ребро и уложенных плашмя, ее сохранившаяся высота до 0,5 м. Полезная площадь помещения IV составляла около 10 м².

Помещение V (рис. 3). Располагалось в 3 м к югу от помещения III, ориентировано оно по оси северо-восток — юго-запад. Раскрыт лишь северо-западный угол помещения. Каменные стены разобраны полностью, однако в щебенистом суглинке пола отчетливо фиксировались ямки, в которые вертикально устанавливались

плиты, дающие четкий контур помещения. Его длина не менее 5,7 м, пол неровный, возвышающийся в северо-западном углу, перепад высотных отметок пола до 0,3 м; в целом его уровень соответствует уровню полов помещений III и IV — 3,2 — 3,5 м от уровня моря. На возвышенном северо-западном участке выявлена яма с золистым заполнением размером 0,57 x 0,40 м, глубиной 0,20 м.

Помещение VI (рис. 3). Располагалось в 1,2 м к югу от помещения III и было ориентировано с севера на юг, возможно, с небольшим отклонением к оси север — северо-восток — юг — юго-запад. Сохранилась северная часть котлована шириной 7,0 м с участком стенки из плит на ребро длиной 2,8 м. Нарушено помещением V,

Рис. 4. Раскоп № 1. Северо-западный участок. Планы и фасировки стенок помещений I — IV и VII. 1 — номера помещений и стенок; 2 — высотные отметки от репера.

впущенным внутрь помещения VI, и помещением VIA.

Помещение VIA. Построено на месте помещений V и VI. Раскрыто частично на северном и западном участках. Ориентировано аналогично помещению V, его северо-западная стенка смещена от соответствующей стенки последнего на 1,8 м и находилась примерно на одной оси с западной стенкой помещения VI, а северо-восточная, судя по сохранившемуся угловому участку кладки длиной 1,8 м, — на одной оси с соответствующей несохранившейся стенкой помещения V. При этом плиты северо-западной стенки устанавливались, против обыкновения, не на дно котлована, а на его борт. Ширина помещения VIA по оси северо-восток — юго-запад 4,7 м, длина не менее 8,0 м. Уровень пола соответствовал, по-видимому, его отметкам у северо-западного борта — 3,8 — 3,9 м выше уровня моря. Заполнение ниже этой отметки до уровня пола помещения V состояло из плит, камня и щебня; в юго-восточной части, наименее нару-

шенной перекопами, прослежены участки плитчатой вымостки нового пола.

На данном участке поселения наиболее ранним является помещение III. Помещение VI построено, очевидно, позднее; с последующим, третьим строительным периодом связано помещение V, с четвертым — помещение VIA. Помещение IV синхронно, по-видимому, какому-либо из последних трех помещений, но какому именно, установить не удалось.

Раскоп №1. Высотные промеры производились от репера, установленного в высшей точке данного участка, которая приходилась на северо-восточный угол квадрата 4. Как и в раскопе №2, в северо-западной части раскопа №1 раскрыты остатки многочисленных каменных стенок разновременных помещений, особенно сильно пострадавших в результате выборки камня.

Помещение I (рис. 4). Выявлено в квадратах 9, 11, 21, 22. Помещение ориентировано по оси север — юг. Раскрыто оно не полностью — северная стенка осталась за пределами раско-

па, восточная не сохранилась. Прослежены по борту котлована и обрывкам кладки западная стенка длиной 7 м и участок южной длиной 4 м, а также обрывки стенок коридора. Западная стенка последнего являлась продолжением соответствующей стены помещения, восточная сопряжена с его южной стеной. Первоначальные размеры помещения I составляли примерно 7,5 x 6,0 м, ширина коридора 0,9 м, в его центре — более поздняя хозяйственная яма. Сохранившаяся высота стенок до 0,75 м, кладка комбинированная — из плит на ребро и уложенных плашмя. Котлован корытообразной формы, пол неровный, с перепадами высот до 0,50 м (отметки от репера 2,08 — 2,58 м), что объясняется позднейшими перестройками и перепланировками.

Помещение IA (рис. 4). Впущено в южную часть помещения I. В плане оно трапециевидной формы, его внутренние размеры: длина вдоль северной стенки 4,50 м, вдоль южной — 3,15 м, по оси север — юг — 3,50 м. Южная стенка представляла собой сохранившийся участок соответствующей стенки помещения I, западная примыкала к западной стенке того же помещения, северная возведена заново, в ее центре был разрыв шириной 1,6 м, по-видимому, результат выборки камня. Кладка в нижней части состояла из плит на ребро, в верхней — из уложенных плашмя на высоту одного — трех рядов; высота стенок 0,4 — 0,7 м. В отдельных местах швы между плитами заложены крупными костями животных. Пол (материковый ракушечник) неровный, его отметки от репера 2,40 — 2,57 м. В 1 м к северу от центра южной стенки — заполненная золой очажная яма диаметром 0,40 м, глубиной 0,18 м. Местоположение входа в помещение IA не установлено.

Помещение IB (рис. 4). Располагалось к востоку от помещения I и было ориентировано по оси северо-восток — юго-запад. От северо-восточной стенки (квадраты 23, 51) сохранился участок кладки длиной 5 м с угловой плитой, юго-восточная реконструируется по этой угловой плите и борту котлована в квадратах 51, 52, 25, юго-западная — также, по борту котлована и одной сохранившейся плите (в квадрате 25 (С-23), северо-западная стена не прослежена. Длина помещения IB по оси северо-восток — юго-запад около 7,20 м, уровень пола на отметке 1,85 м. Кладка, впущенная в погребенный чернозем, выполнена из плит на ребро в нижней части и из уложенных плашмя — в верхней; ее сохранившаяся высота до 0,75 м.

Помещение IB (рис. 4). Построено на месте помещения IB, при этом котлован был углублен до отметки 2,07 — 2,15 м. Юго-западная и юго-восточная стенки прослеживались по бортам котлована, северо-восточная — по борту котлована и обрывку кладки длиной 1,8 м из плит на ребро в квадрате 23 (С-21), северо-западной соответствует участок кладки из плит на ребро длиной 3,6 м в квадратах 10 и 23 (С-19), а также

расположенный в створе с последней обрывок западной стенки коридора длиной 4 м в квадратах 6 и 10 (С-13). Восточная стенка коридора длиной 2,8 м (С-14) располагалась параллельно западной в 0,7 — 0,8 м от нее. Размер помещения IB 7,0 x 5,7 м.

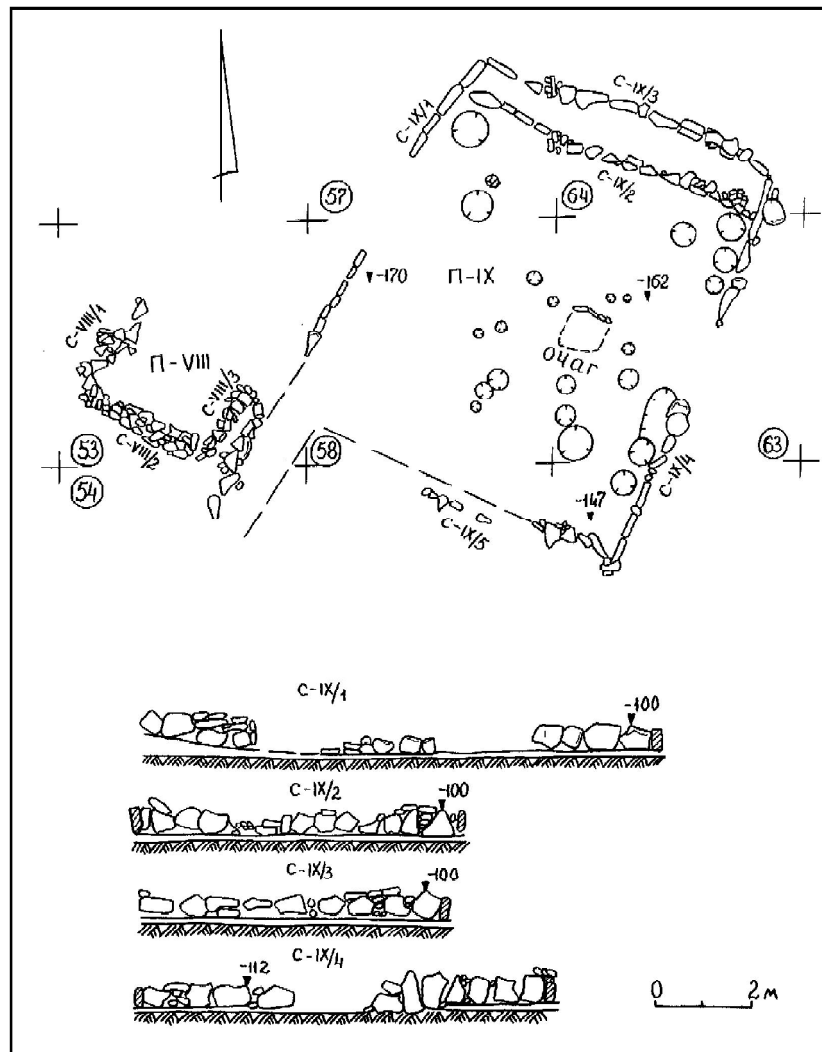
В 2 м от центрального участка юго-восточной стенки выявлен открытый очаг в плане прямоугольной формы, ограниченный по периметру вкопанными в пол плитками высотой 10 — 15 см; размер очага 0,8 x 0,7 м, в его центре — очажная яма. В 1,2 м к югу располагалась зольная яма диаметром 0,6 м, в северо-восточной части помещения — пять оплывших столбовых и, очевидно, хозяйственных ям диаметром 0,5 — 0,7 м, еще около десяти ям выявлено в разных частях помещения.

Помещение IG (рис. 4). Возникло на месте помещений Б и IB. Фиксировалось по вымостке пола из плит, тщательно подогнанных друг к другу, перекрывавшей ямы и очаг помещения IB в квадрате 52. С ним связан, очевидно, обрывок стенки в квадрате 23 (С-20), примыкавшей под прямым углом к сохранившемуся участку северо-восточной стены помещения IB, а также восточная стена коридора длиной 2,7 м в квадратах 24 — 25 (С-22). Внутренний размер помещения IG 6 x 6 м.

Таким образом, на северо-западном участке раскопа №1 наиболее ранним было помещение IB, последующие строительные периоды представлены помещениями IB и IG, самым поздним являлось помещение IA. Обрывки других кладок к рассмотренным помещениям не имеют отношения и являются остатками каких-то построек, не поддающихся реконструкции. Помещение I, по-видимому, синхронно помещению IB, хотя стратиграфически это не установлено.

Помещение IX (рис. 5). Располагалось в 4 м от помещения IB в квадратах 53, 54, 57, 58, 62, 63, 64. В плане оно подпрямоугольной формы, ориентировано по оси северо-восток — юго-запад. Две стены помещения, северо-западная и юго-западная, сохранились фрагментарно, в центре юго-восточной — разрыв шириной 1,7 м; выборка кладки осуществлена, очевидно, в древности, о чем можно судить по однородности культурного слоя. Северо-восточная стенка двойная, расстояние между «панцирями» 0,7 — 0,8 м; внешняя и внутренняя кладки, как и остальные стены помещения, впущены в погребенный чернозем, причем основание внешней на 10 — 15 см выше основания внутренней, торцы последней примыкают впритык к продольным стенам, т.е. она была возведена позднее. Размеры помещения IX: ширина северо-восточной части 6,5 м, юго-западной — 7,15 м, первоначальная длина по оси северо-восток — юго-запад 8 м, после перестройки 7 м. От коридора, располагавшегося в юго-западной части помещения, сохранился обрывок западной стенки

Рис. 5. Раскоп № 1. Планы и фасировки стенок помещений VIII и IX.

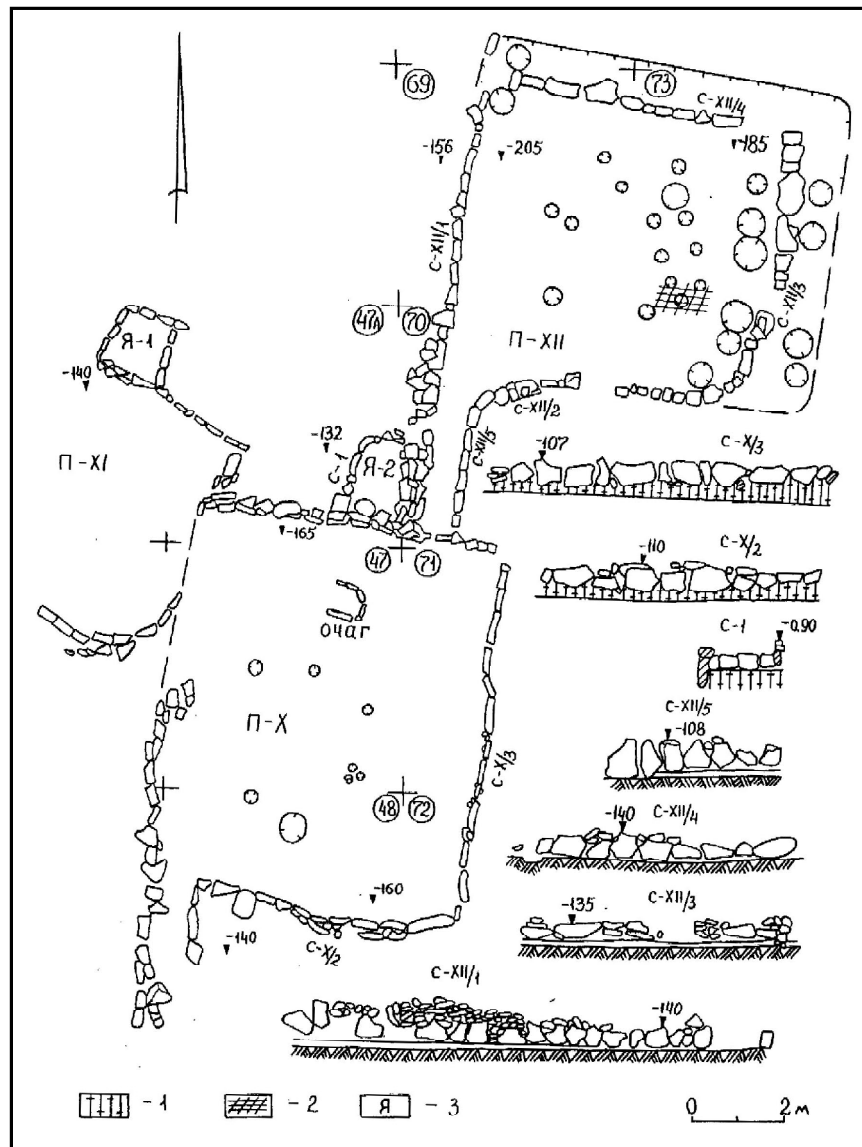

длиной 2,5 м. Стены сложены из рваных плит на ребро, их сохранившаяся высота до 0,85 м. Котлован впущен с уровня стерильного песка на глубину 0,4 — 0,5 м. Пол неровный, в центре углублен до щебенистого суглинка. В 2 м от юго-восточной стены выявлено очажное пятно прокаленного грунта; обкладка из плиток сохранилась с одной, северо-восточной стороны, высота плиток 10 — 15 см, длина обкладки 0,85 м. Столбовые ямки концентрировались преимущественно вокруг очага, шесть ям диаметром 0,4 — 0,6 м, глубиной от основания стен до 0,4 м, располагались вдоль юго-восточной стены помещения, одна из них, ближайшая к очагу, была заполнена золой.

Помещение XII (рис. 6). Выявлено в 24 м к юго-востоку от помещения IX, в квадратах 69, 70, 73, 74; участок между ними остался неисследованным. В помещении XII зафиксировано два строительных периода. От первого сохранились северо-западная и юго-западная стены, последняя в центре имела разрыв шириной 1,7 м. На остальной площади его контуры прослежены по борту котлована, впущенного с уров-

ня стерильного песка до погребенного чернозема, местами — до подстилающего его щебенистого суглинка (1,70 — 1,85 м от репера). Вдоль восточного борта котлована, где стена не сохранилась, уровень пола соответствовал уровню чернозема (1,65 — 1,75 м от репера). Помещение ориентировано по оси северо-восток — юго-запад, его внутренний размер 7,5 x 6,5 м, кладка выполнена из плит на ребро. Вдоль юго-восточной стены располагались четыре хозяйственные ямы диаметром 0,60 — 0,75 м, глубиной 0,3 — 0,4 м. После перестройки площадь помещения уменьшилась за счет смещения северо-восточной и юго-восточной стен и стала составлять 6,2 x 5,5 м, причем первая была сложена в прежней технике, т.е. из плит на ребро, а основание углублено до щебенистого суглинка (1,95 — 2,00 м от репера); вторая — из плит, уложенных плашмя. Поскольку основание последней соответствовало основанию стен первого периода (1,8 м от репера), то, очевидно, эта отметка соответствует уровню пола раннего помещения. Коридор находился в северо-западной части, его северо-западная стенка являлась продол-

Рис. 6. Раскоп № 1.
Планы и фасировки стенок помещений X, XI и XII. 1 — стерильный песок; 2 — очажное пятно; 3 — номера ящиков.

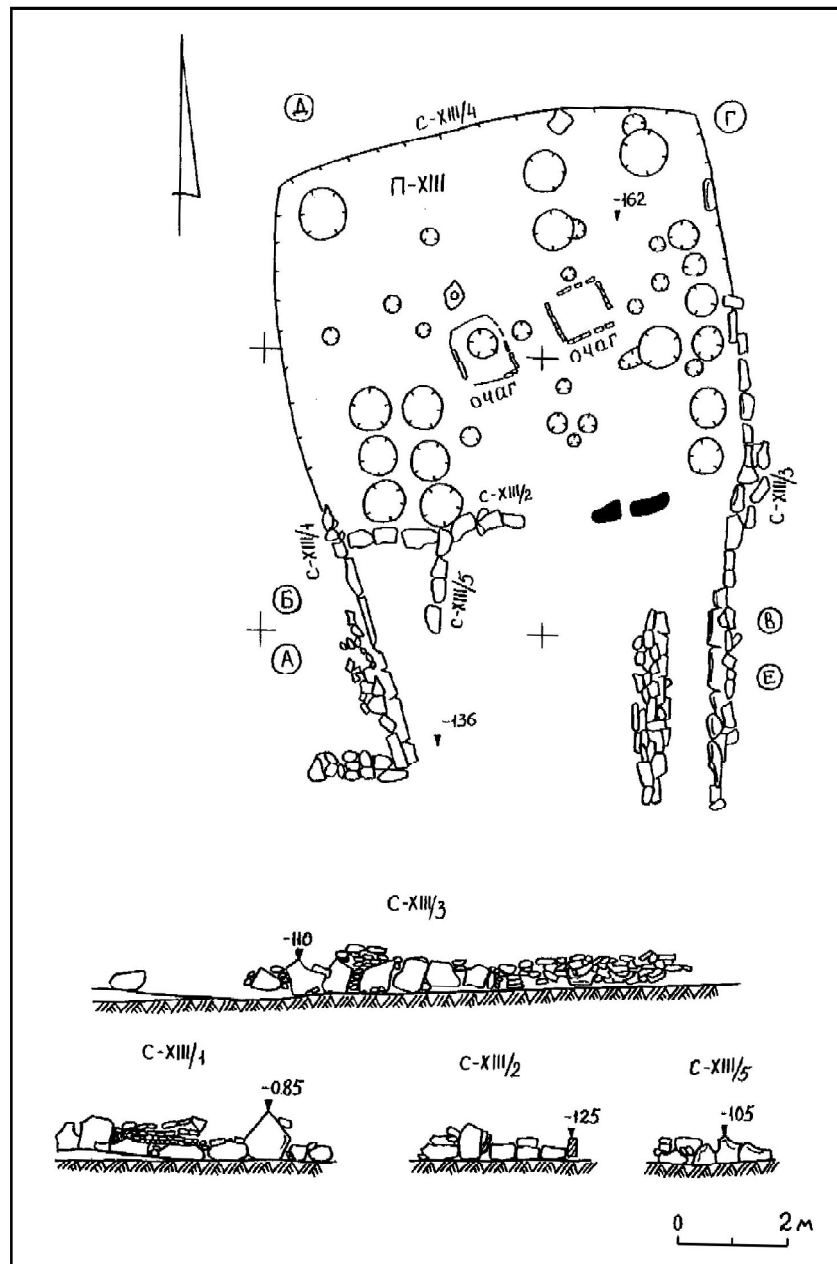
жением соответствующей стены помещения, на месте их стыка — заполненный грунтом вертикальный шов; восточная стенка сопряжена с юго-западной стеной помещения. Ширина коридора 0,60 — 0,75 м, сохранившаяся длина 3 м; его южная часть разрушена при сооружении более позднего помещения X. Уровень пола коридора к выходу повышался, стенки подстилал золистый песок.

В 1,5 м от центра юго-восточной стены находился открытый очаг, от которого сохранился слой золы и пятно прокаленного грунта. Вдоль вновь возведенной юго-восточной стены вырыто шесть ям (две диаметром 0,3 м, глубиной 0,1 м; диаметр остальных 0,60 — 0,75 м, глубина от уровня щебенистого пола 0,35 — 0,40 м), ближайшая к очагу была заполнена золой. В северо-западном углу помещения, взамен оставшейся с внешней стороны одной ямы (№27), вырыта другая (№1). Столбовые ямы группировались преимущественно в центре помещения и вдоль

северо-восточной стены.

Помещение XIII (рис. 7). Выявлено в раскопе №3 в 10 м к юго-востоку от помещения XII. Котлован размером 7,5 x 7,2 м вырыт в стерильном песке до подстилающего его чернозема или предматерикового суглинка на глубину 0,50 — 0,65 м (1,65 — 1,80 м от репера). Борты котлована облицованы рваными плитами известняка и ракушечника, установленными на ребро. Каменные стены сохранились фрагментарно, разборка кладок, судя по однородности культурного слоя, производилась в древности. Помещение в плане подквадратной формы, ориентировано по странам света с двумя коридорами с южной стороны, расположенными так, что западная и восточная стенки каждого из них являлись продолжением соответствующей стены помещения. Юго-восточный коридор прямой, его ширина 0,65 — 0,75 м, сохранившаяся длина 5,20 м; юго-западный Г-образной формы: в 4 м от входа в помещение он поворачивал под пря-

Рис. 7. Раскоп № 1. План и фасировки стенок помещения XIII.

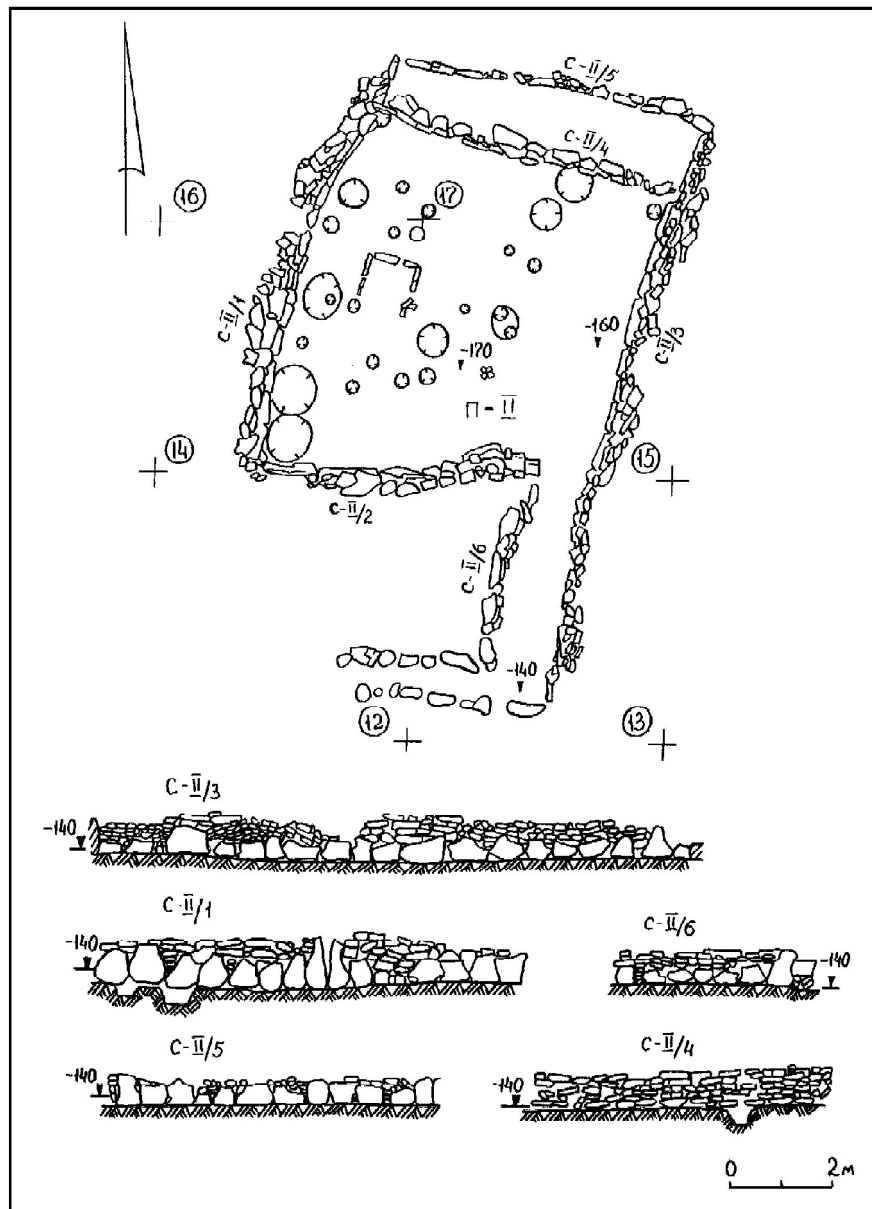

мым углом к западу; сохранившаяся длина последнего (западного) участка 1,9 м, ширина коридора у входа в помещение 1,3 м, в двух метрах от входа, где обрывалась его восточная стенка, — 0,9 м. В центре помещения — два открытых очага прямоугольной формы, ограниченные по периметру вкопанными в пол тонкими плитками известняка; размер первого 1,00 x 0,95 м; второго, расположенного в 0,8 м к северо-востоку от первого, — 0,95 x 0,90 м.

Помещение претерпело несколько текущих ремонтов, о чем свидетельствует многочисленность столбовых ям, и, как минимум, одну радикальную реконструкцию. С первым строительным периодом связаны юго-западный коридор Г-образной формы, западный очаг, а также ряд хозяйственных ям, расположенных вдоль вос-

точной, дальней от входа стены. При реконструкции или, скорее, восстановлении жилища по каким-то причинам не был восстановлен коридор, каменное основание которого из плит на ребро находилось в удовлетворительном состоянии; дверной проем был заложен крупными камнями (к моменту раскопок сохранилось два ряда кладки), а в юго-восточной части помещения построен новый коридор, причём кладка выполнена уже в иной технике — из уплощенных камней и плит, уложенных плашмя. Три стены помещения были восстановлены на прежнем месте, от облицовки северного борта котлована не сохранилось ни одного камня, и местоположение стены второго периода не установлено. Со вторым строительным периодом связан восточный очаг, тогда как часть плитчатой об-

Рис. 8. Раскоп № 1.
План и фасировки стенок помещения II.

кладки западного была разобрана, а в его центре была установлена опорная стойка, о чем можно судить по столбовой яме. В юго-западном секторе помещения, рядом с заложённым дверным проемом, вырыто пять хозяйственных ям диаметром 0,75 x 0,90 м. Шестая яма, расположенная рядом с первым очагом, была заполнена золой и соотносится, по-видимому, с ранним периодом.

Рядом с первым очагом выявлен вкопанный в пол ракушечниковый камень полушаровидной формы с лунковидным углублением в центре. Его утилитарное использование, например, в качестве опоры для столба, маловероятно из-за небольших размеров лунки, по-видимому, он служил жертвенником, предназначавшимся для ежедневного обихода.

Другие постройки находились южнее описанных выше, в их расположении какой-либо системы не наблюдалось.

Помещение II (рис. 8; 11 — 13). Выявлено в юго-западном секторе раскопа в квадратах 10, 14 — 17, в 4,5 м к северо-востоку от помещения, раскрытого в 1974 г. Помещение II ориентировано по оси северо-восток — юго-запад, котлован впущен до щебенистого суглинка, уровень пола соответствовал отметке 1,70 м, основания стен — 1,55 — 1,65 м от репера. В плане помещение асимметричное, его первоначальная длина вдоль северо-западной стенки 8 м, вдоль юго-восточной — 7 м, ширина 6,25 — 6,40 м, сохранившаяся высота стенок до 1,15 м. Кладка выполнена в нижней части из плит на ребро, в верхней — из трех-семи рядов плит, уложенных плашмя. Позднее параллельно северо-восточной торцовой стене, в 1,0 — 1,4 м от нее, внутри помещения возведена вторая стена, кладка которой на всю высоту выполнена из плит, уложенных плашмя, ее торцы примыкают к продольным стенкам помещения впритык, основа-

ние покоится на прослойке культурного слоя толщиной 2 — 10 см. Пространство между первичной стенкой и появившейся позднее в результате перестройки заполнено дикарными камнями и плотным грунтом. Коридор находился с южной стороны, его юго-восточная стенка являлась продолжением соответствующей стены помещения. Так как южная стена помещения под давлением грунта наклонилась внутрь, то западная стенка коридора оказалась оторванной от нее, т.е. между ними образовался зазор шириной 0,5 м. Ширина коридора 0,7 — 0,8 м; в 4,4 м от входа он поворачивал под прямым углом к западу, его западный участок сохранился фрагментарно. Высота стенок коридора 0,7 — 0,8 м, земляной пол с уклоном в сторону помещения. Заполнение коридора, а также помещения вдоль стен на расстоянии до 1,5 м от них, представляло собой сплошной завал плит, аналогичных использованным для кладки.

В 1,3 м от центрального участка продольной северо-западной стены помещения находился открытый очаг прямоугольной формы, ограниченный с трех сторон вкопанными в пол плитками, с южной — глиняным бортиком, сохранившимся фрагментарно. Размер очага 0,90 x 0,85 м, у его юго-восточного угла располагалась зольная яма. Вдоль северо-западной стены помещения вы-

явлены четыре хозяйственные ямы, еще две — у северо-восточной стенки. Столбовые ямы концентрировались в основном вокруг очага на расстоянии до двух метров от него.

Помещение II на данном участке не являлось самым ранним. В западной части коридора выявлена яма размером 4 x 4 м, уровень дна которой соответствовал уровню пола помещения; она была заполнена камнями и золистым песком, на этом заполнении покоилась западная стенка коридора.

Помещение X (рис. 6). Находилось в 24 м к северо-востоку от помещения II в квадратах 44, 47, 47А, 48, 71, 72; его северная стенка «обрезала» коридор помещения XII. Помещение X в плане подпрямоугольной формы, ориентировано по оси северо-северо-восток — юго-юго-запад; его длина 7,80 м, ширина 6,10 — 6,25 м, котлован вгущен в стерильный песок на глубину до 0,25 м (1,52 — 1,65 м от репера). Кладка выполнена из плит на ребро в нижней части и уложенных плашмя на высоту одного-трех рядов — в верхней. Высота стенок до 0,7 м. Коридор располагался в юго-западной части, его западная стенка являлась продолжением западной стенки помещения; ширина коридора 0,6 — 0,7 м, сохранившаяся длина восточной стенки 1,7 м, западной — 3,3 м. Внутри помещения, по

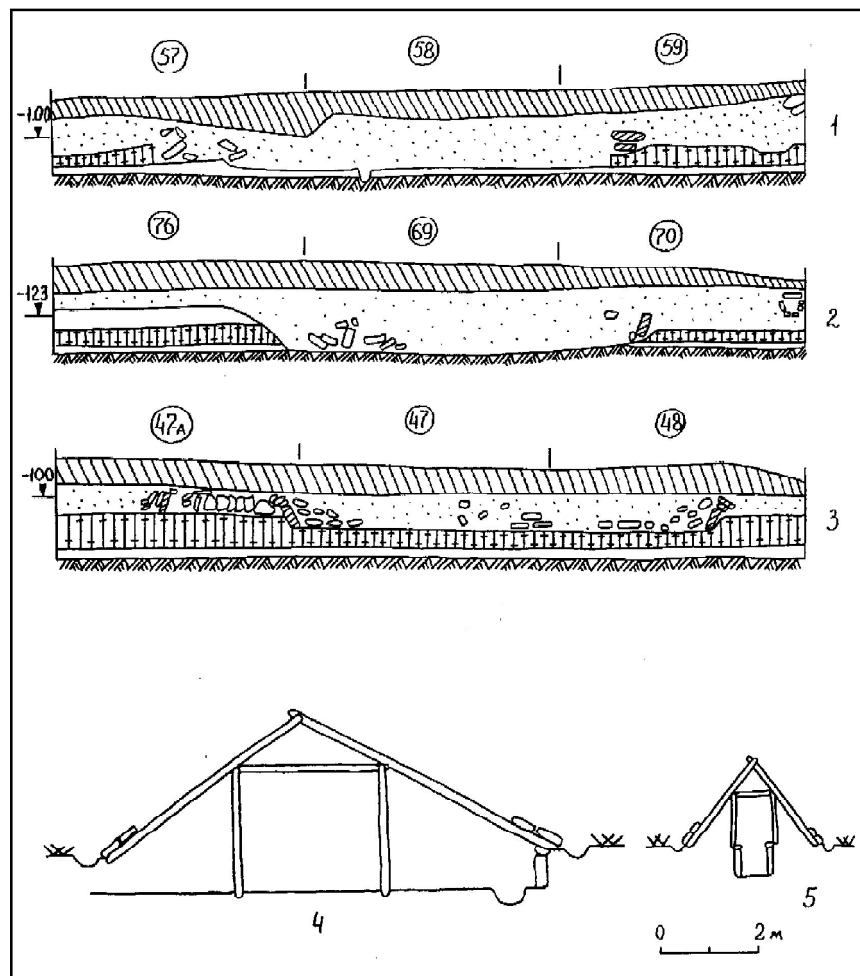
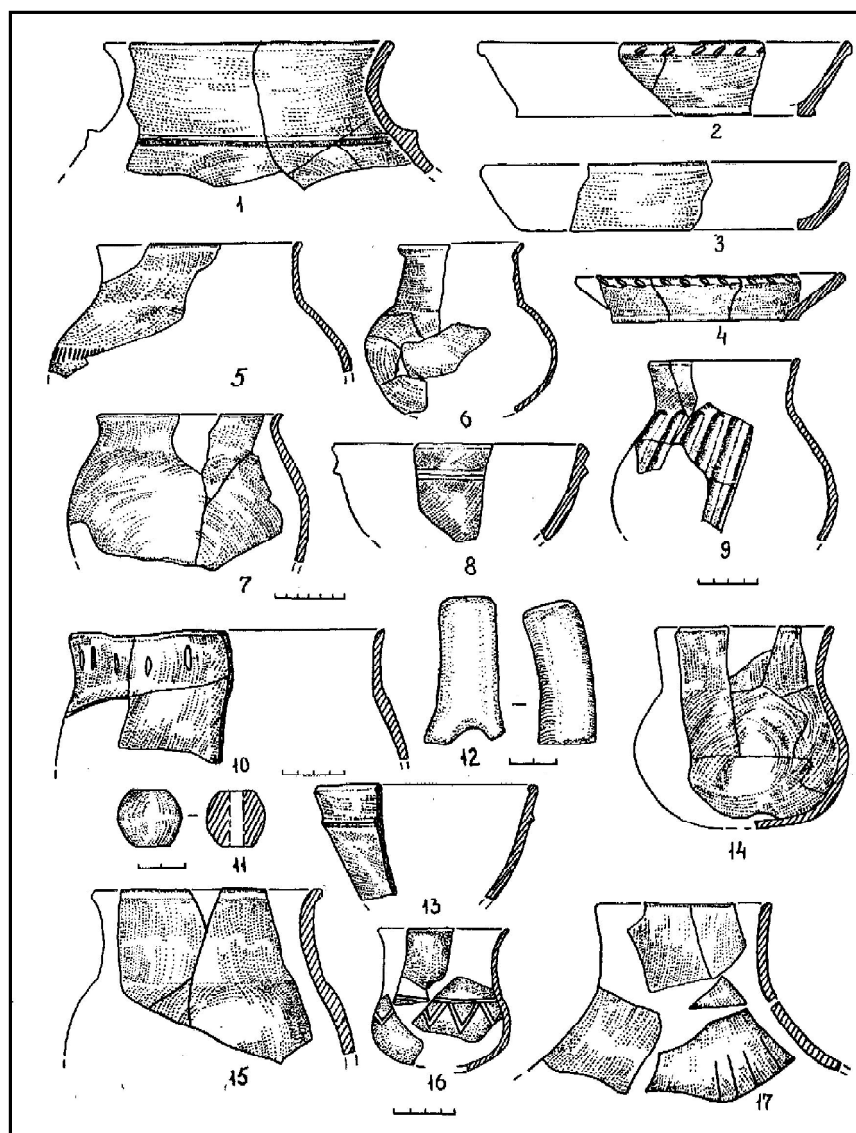

Рис. 9. Раскоп № 1. Стратиграфические разрезы на участках помещений IX (1), XII (2) и X (3). 4, 5 — реконструкция кровли помещения XII

Рис. 10. Находки из помещения I. 1 — 11, 13-17 — керамика; 12 — камень.

его периметру, шел сплошной завал крупных плит; ширина завала 1,2 — 1,6 м, в разрезе он имел подтреугольную форму, т.е. по мере удаления от стен он становился тоньше. На песчаном полу прослеживались отдельные пятна глиняной обмазки. В 1,5 м от торцевой северной стенки находился открытый очаг, представлявший собой обожженную прямоугольную в плане площадку размером 0,65 x 0,60 м, по ее периметру шла обкладка из вертикально установленных плиток, которая сохранилась с трех сторон — с южной, восточной и частично с северной. В песчаном полу помещения выявлено девять столбовых ямок, которые фиксировались по небольшим вертикально установленным плиткам, некогда крепившим основания столбов.

Уровень, с которого впущен котлован помещения X, не зафиксирован, но то, что он вырыт в культурном слое, не вызывает сомнений, так как в противном случае каменные стены не могли бы сохранить вертикальное положение.

Помещение XI (рис. 6). Примыкало к северо-

западному углу помещения X (квадраты 43, 43А, 47А) и было ориентировано по оси северо-восток — юго-запад. Сохранились обрывки трех стенок: юго-западной длиной 2 м, северо-восточной длиной 3,5 м и два угловых участка юго-восточной стены. Длина помещения 5 м, ширина около 4 м. Уровень пола фиксировался по основанию стен и уровню залегания культурного слоя — культурный слой на отметке 1,40 — 1,45 м от репера подстилал стерильный песок, в который на глубину 10 — 15 см был впущен котлован.

С внешней стороны торцевой северо-восточной стены помещения XI примыкал частично нарушенный при возведении последней ящик, сложенный из плит на ребро в нижней части и из уложенных плашмя на высоту одного-двух рядов — в верхней. Внутренний размер ящика 1,20 x 1,00 м, сохранившаяся высота стенок 0,25 — 0,60 м, его основание — на уровне стерильного песка.

Второй ящик размером 1,5 x 1,0 м при высо-

те стенок 0,6 м разрушенной торцовой стороной примыкал (с разрывом в 25 см) к северо-восточной стене помещения X (квадрат 47А), верхние ряды которой перекрывали стенки ящика, а боковой — к коридору помещения XII. Между ящиками, у северо-восточного угла помещения XI, находился открытый очаг с фрагментарно сохранившейся обкладкой из плиток на ребро; в плане он подпрямоугольной формы, его размер 0,6 x 0,6 м.

Основания стенок ящиков, а также очаг и нижняя отметка культурного слоя, здесь на 5 — 10 см выше уровня пола и основания стен помещения XI и на 30 см выше, чем в помещении X; в целом этот горизонт соответствует уровню древней поверхности, с которой впускались котлованы наиболее ранних построек, — 1,32 — 1,40 м от репера. По-видимому, ящики и очаг представляли собой единый хозяйственный комплекс, связанный с ранним этапом функционирования помещения XII.

Последовательность застройки на данном участке выглядит следующим образом: помещение XII с хозяйственным комплексом — помещение X — помещение XI.

Помещение VII (рис. 4). Выявлено на се-

ро-западном участке раскопа №1, в 3 м к юго-западу от помещений IB и IB, в квадратах 25 — 26. Помещение ориентировано по оси северо-восток — юго-запад; сохранилась юго-восточная стена длиной 3,1 м и обрывки примыкающей к ней северо-восточной длиной 3 м и юго-западной длиной 2,6 м. Его размеры по оси северо-восток — юго-запад 3 м, по оси северо-запад — юго-восток не менее 3 м. От коридора, расположенного в юго-западной части помещения, сохранились две плиты на ребро — по одной с каждой стороны, юго-восточная стена коридора продолжала соответствующую стену помещения. Ширина коридора 0,5 м, пол вымощен дикарными плитами. Кладка выполнена из плит на ребро в нижней части и уложенных плашмя — в верхней; высота стенок 0,50 — 1,00 м, их основание на стерильном песке, местами — на культурном слое на отметке 1,65 м от репера.

Помещение VIII (рис. 5). Выявлено в 3,5 м к востоку от помещения VII, в квадрате 53. Его ориентировка и техника кладки те же, что и в помещении VII. Сохранилась юго-западная стенка длиной 3,5 м и примыкающие к ней обрывки северо-западной и юго-восточной длиной 2,2 и 2,0 м. Ширина помещения VIII 2,5 м, длина не

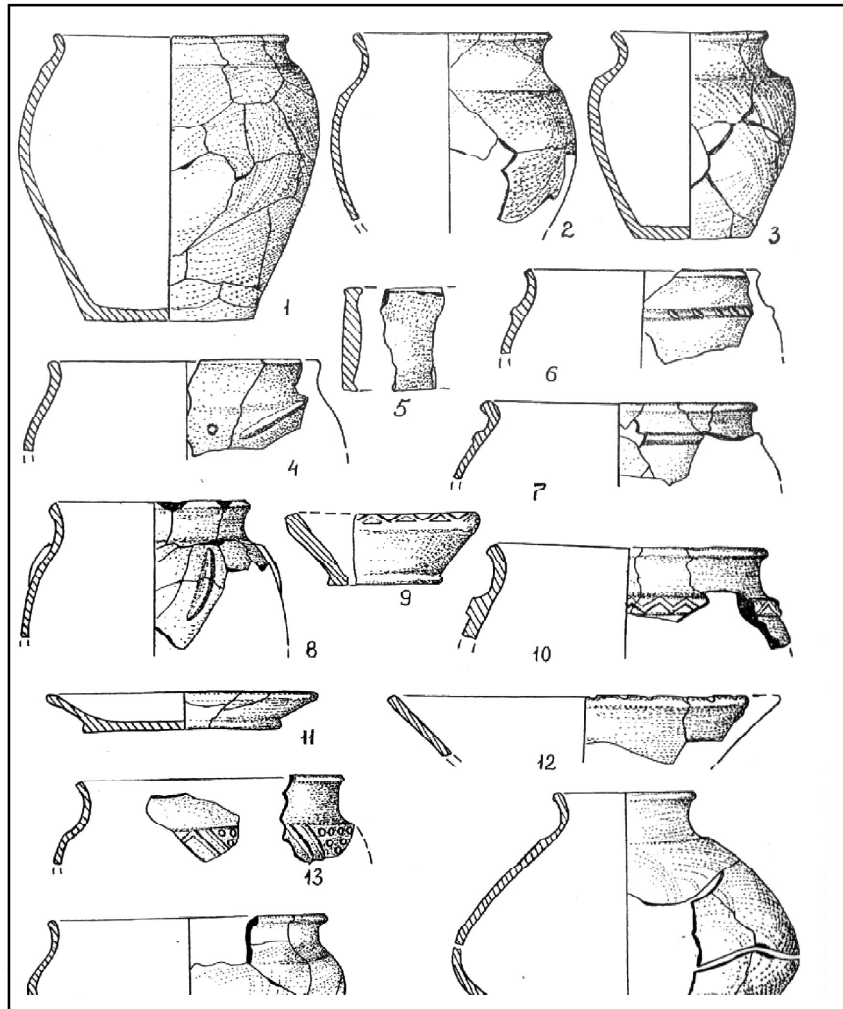
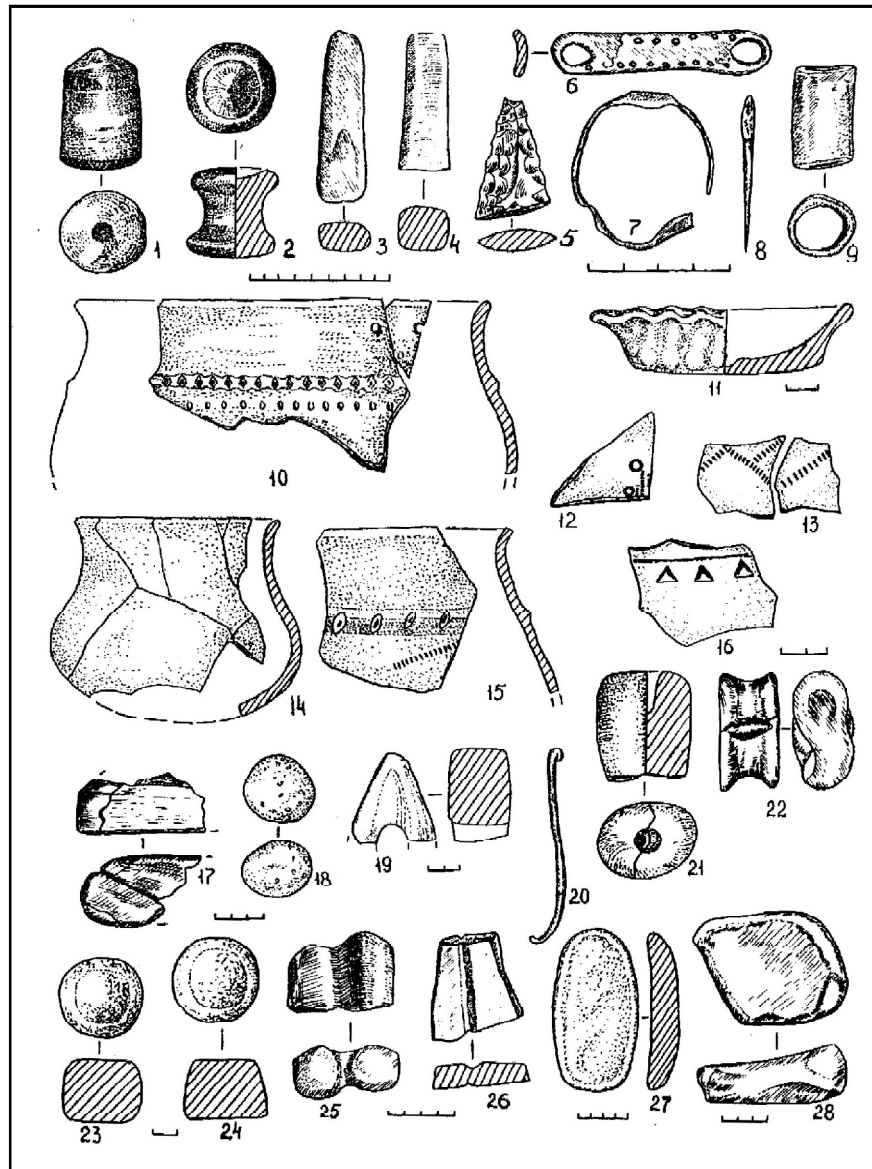

Рис. 11. Лепная керамика из помещения II.

Рис. 12. Изделия из камня (1-4, 17-19, 23-28), кремня (5), кости (6, 9, 21, 22), бронзы (7, 8, 20) и глины (10-16).

установлена. Помещение впущено в культурный слой до отметки 1,3 — 1,5 м от репера, его юго-восточная стена примыкала внешней стороной к сохранившемуся участку стены коридора помещения IX.

Стратиграфические данные позволяют отнести к числу наиболее ранних помещения III, IB, IX, XII и XIII, котлованы которых впущены с уровня стерильного песка, перекрывающего предматериковый чернозем. Расположение этих жилищ по одной линии предполагает преднамеренную планировку поселка, но имел ли он только один ряд построек, сказать трудно — не исключено, что севернее, где раскопки не проводились, расположен еще один ряд жилищ. Последовательность застройки на каждом конкретном участке прослеживается достаточно отчетливо, причем в ряде случаев можно с уверенностью говорить о наличии хронологических разрывов между строительными периодами, т.е. о каких-то временных отрезках, в течение кото-

рых на этих участках имелись лишь руины оставленных жилищ. Таких строительных периодов было не менее трех в пределах раскопа №2, в северо-западной части раскопа №1 (помещения IB, IB и IG) и на участке помещений XII-X-XI, где при возведении каждого последующего жилища частично нарушалось предшествующее.

Большую сложность представляет определение назначения и хронологической позиции «малых» помещений, полезная площадь которых не превышала 12 м². Если помещения IA, IV, VIA и VII обособлены и не образуют комплекса с жилыми постройками, то этого нельзя сказать с уверенностью в отношении иных. Так, помещение VIII примыкало к коридору помещения IX и могло использоваться в хозяйственных целях. Аналогичная пристройка примыкала к восточной стене помещения, раскрытого в 1974 г., и к восточному коридору помещения XIII (последняя осталась недоследованной). В процессе раскопок все «малые» помещения были от-

несены к последнему, четвертому периоду жизни поселения, в пользу чего свидетельствует и тот факт, что их стены не сопряжены со стенами «больших» помещений, т.е. те и другие возведены независимо друг от друга. Кроме того, все «малые» помещения впущены в накопившийся ранее культурный слой, и уже по этой причине возможность их синхронизации с жилищами, по крайней мере, первого строительного периода, представляется маловероятной. Этот вопрос можно было бы разрешить, определив характер и время реконструкции помещений II, IX, XII и XIII, но и здесь, к сожалению, много неясного. Если в первых двух помещениях работы ограничились возведением с северо-восточной стороны дополнительной торцевой стены, и это можно связать с текущим ремонтом и укреплением построек со стороны господствующих здесь северо-восточных ветров, то в двух других перестройки имели более радикальный характер: в помещении XII заново возведены две стены и реконструирован коридор; в поме-

щении XIII вместо прежнего коридора построен новый; имела ли место здесь перепланировка самого жилища, осталось не установленным. Чисто умозрительно можно допустить полную перестройку данных помещений их обитателями летом, однако такой вариант представляется маловероятным; по-видимому, здесь мы имеем дело с восстановлением ранее покинутых жилищ, и тогда четыре строительных периода совпадают с четырьмя периодами жизни поселения, при этом помещение XI попадает в число «малых». Находки на полу помещения XIII и в заполнении его хозяйственных ям второго периода фрагментов мисок, которые относятся к числу наиболее поздних керамических форм поселения Бай-Кият, также свидетельствуют о восстановлении этого жилища в один из двух последних периодов жизни поселения, скорее всего, в третьем, так как фрагменты аналогичных мисок найдены в помещениях X и 1974 г.

Помещения всех строительных периодов характеризует однотипность и единство строи-

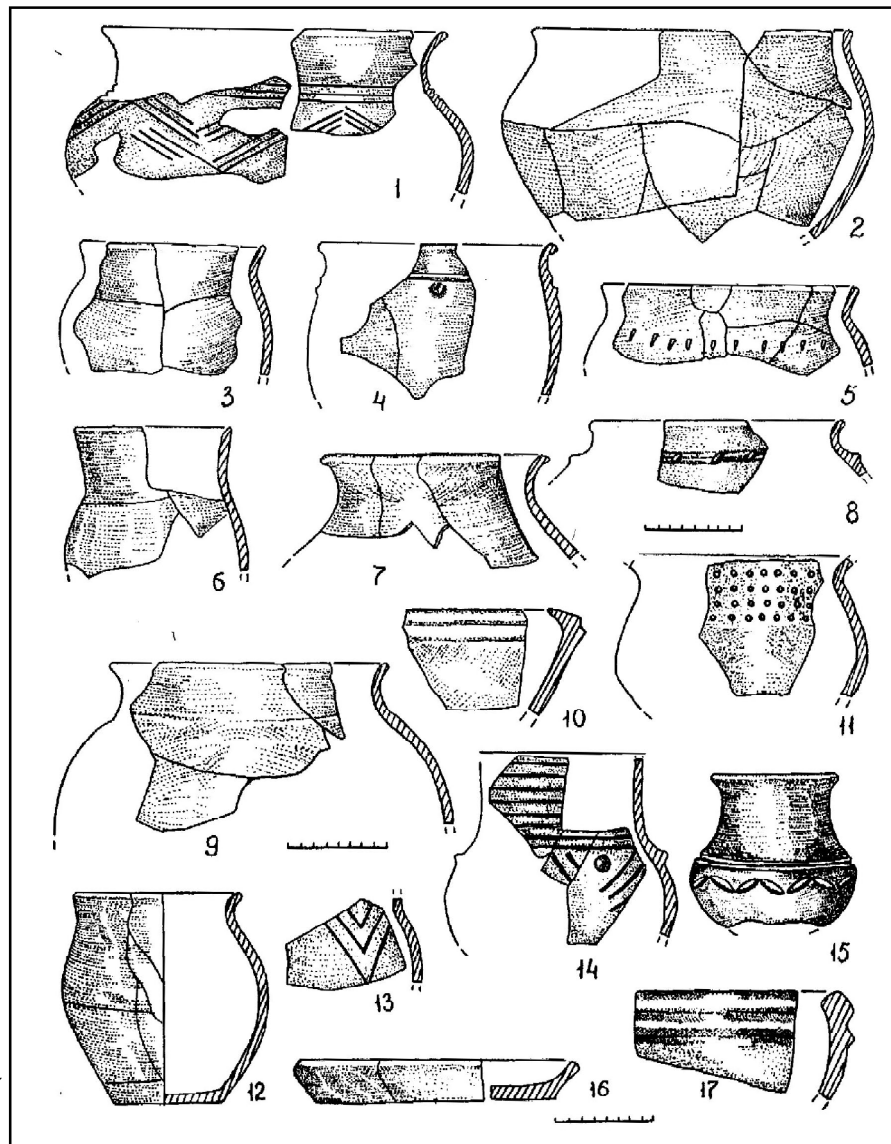
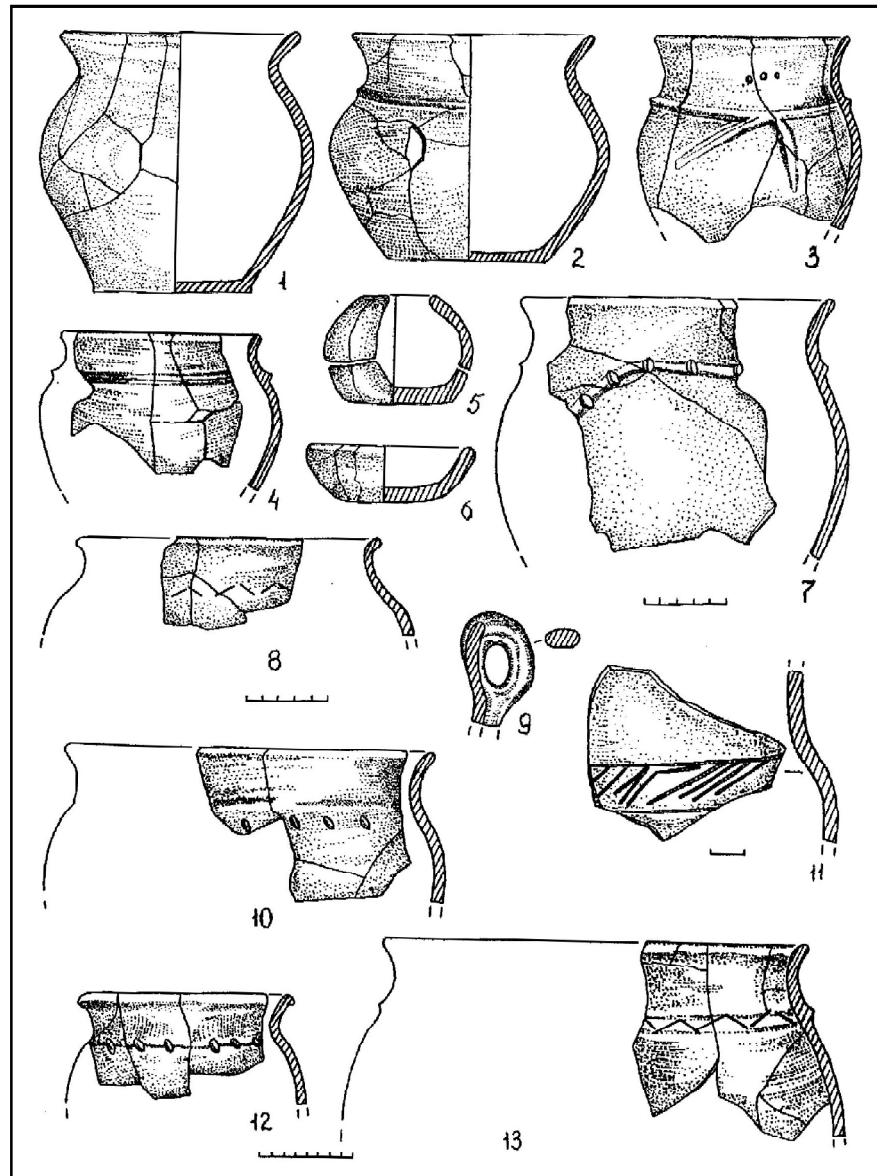

Рис. 13. Керамика из помещения X (1-11) и квадрата 47-A (12-17)

Рис. 14. Керамика из помещения IX

тельных приемов. Прежде всего, сооружался котлован глубиной 0,5 — 0,8 м, который по периметру облицовывался рваными плитами известняка и ракушечника, установленными на боковое ребро или вертикально. В первом случае плиты устанавливались непосредственно на дно котлована, во втором — в специально вырытые под каждую плиту ямки. Максимальный размер плит 1,10 x 0,65 м, однако преобладающими были плиты меньшего размера — в среднем 0,6 x 0,5 м. Выравнивание стен по горизонту производилось такими же плитами, уложенными плашмя. В аналогичной технике кладка поднималась не менее чем на два-три ряда выше дневной поверхности, внутренняя сторона облицовывалась, внешняя покоилась на борту котлована. Во всех случаях, где верхние ряды кладки сохранились, они были отклонены или сползли наружу, что обусловлено просадкой песчаного грунта. Кладка выполнена на земле, для заполнения разрывов между плитами, кроме камней,

использовались иногда кости животных. Повторное использование более ранних помещений фиксируется только в тех случаях, когда они подвергались существенной перестройке в виде возведения новых стен и (или) коридоров, при этом полезная площадь жилищ сокращалась. Там, где грунт был недостаточно плотным, т.е. представлял собой заполнение более раннего котлована, новые стены на всю высоту возводились чаще всего в иной технике — из плит, уложенных плашмя. Восстановление построек в прежних параметрах, очевидно, производилось: на это указывают уровни полов, которые на раннем этапе соответствовали уровню основания стен, впущенных, как правило, в чернозем; впоследствии полы углублялись до щебенистого суглинка. Коридоры, как уже отмечалось, находились с южной стороны; они были узкими и длинными и в плане имели Г-образную форму. Полезная площадь помещений трех первых строительных периодов колеблется от

34 до 56 м², четвертого — от 10 до 20 м². Для всех помещений характерны открытые очаги подпрямоугольной формы, ограниченные по периметру вкопанными в пол плитками. Размер очагов от 0,65 x 0,60 м до 0,95 x 0,85 м. В помещении X очаг располагался ближе к торцовой северо-восточной стенке, в остальных они смещены также к удаленной от входа, но продольной стене. Вдоль последних, т.е. удаленных от входа продольных стен, в помещениях IV, II, IX, XII и XIII, располагались в ряд ямы диаметром от 0,35 до 1,00 м. Характерно, что после смещения этой продольной стены в помещении XII, когда ямы остались за его пределами, вдоль вновь возведенной стены был вырыт новый ряд ям, а в помещении XIII, где вход был перенесен в противоположную сторону и западная стена оказалась дальней от входа, ямы были вырыты у этой последней. Одна из этих ям, ближайшая к очагу, использовалась в качестве зольной, остальные имели, очевидно, хозяйственное назначение. В помещениях II, III, IX, XII, XIII, уро-

вень пола которых приходился на чернозем или суглинок, по одной яме располагалось в углу напротив входа, они являлись, по-видимому, обязательным планировочным или конструктивным элементом жилища. В помещении XII после смещения торцовой стены во вновь образованном углу вместо оставшейся с внешней стороны была вырыта новая яма. Какой-либо системы в расположении других ям не прослеживается. Не всегда удается установить и принадлежность их к столбовым или хозяйственным, а также связать с тем или иным строительным периодом, т.е. дифференцировать хронологически.

Детальная реконструкция кровли затруднена из-за многочисленности столбовых ямок, часть из которых связана, очевидно, с текущими ремонтами. Но в самых общих чертах сделать это представляется возможным.

После сооружения и облицовки котлована в центре помещения, параллельно стенам, в 1,5 — 2,0 м от них, устанавливались деревянные

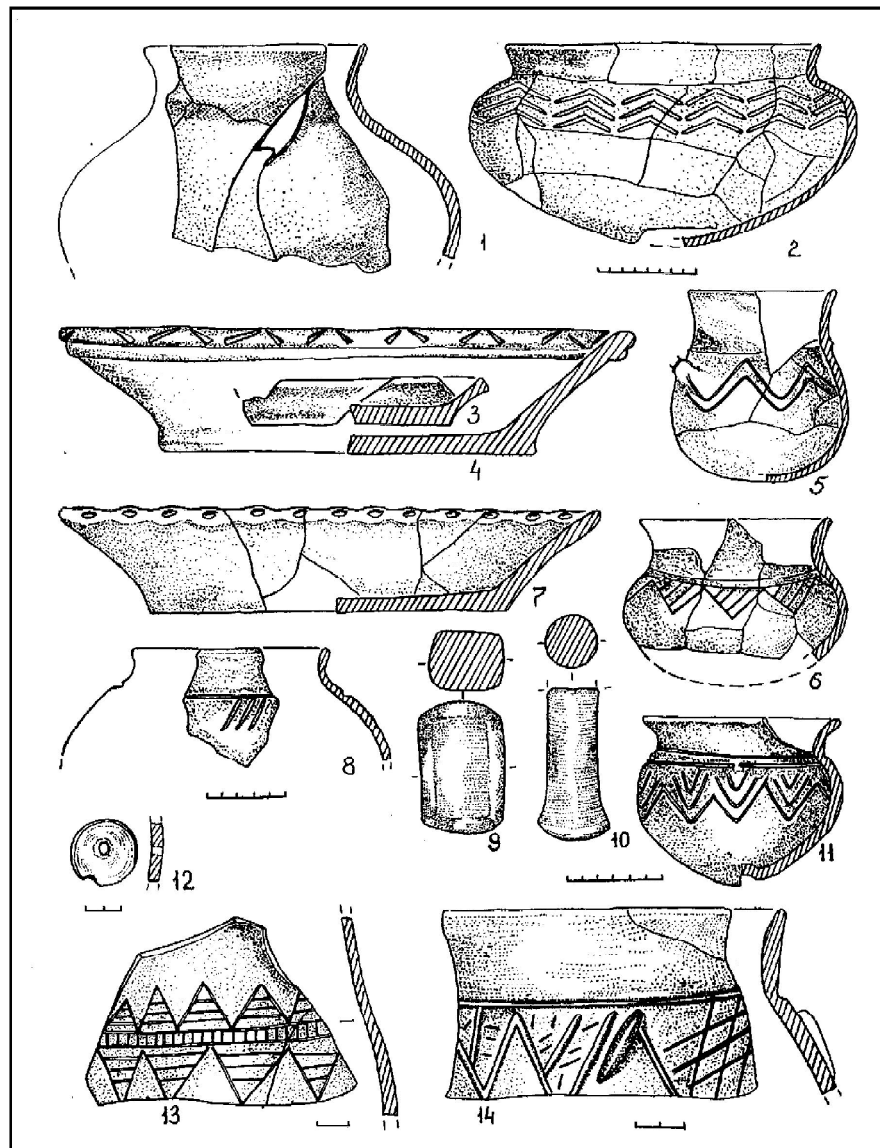

Рис. 15. Находки из помещения XII. 1-8, 11-14 — керамика; 9, 10 — камень

опорные стойки. Они не были массивными — диаметр столбовых ямок, по периметру которых сохранилась обкладка из каменных плиток и костей (лопаток) животных, колеблется в пределах 10 — 14 см. Возможно, для увеличения прочности несущей части стойки устанавливались тонкой частью, т.е. вершиной вниз, как это делается и сейчас в угольных шахтах. Для того, чтобы перемещаться внутри помещения в полный рост, минимальную высоту стоек можно определить в 2,4 — 2,6 м.

По опорным стойкам шла прямоугольная в плане обвязка в виде рамы; аналогичная обвязка проходила, по-видимому, по каменным стенам. Стропила укладывались в виде веера одним концом на обвязку, другим — на стены. Поверх стропил шла деревянная обрешетка, кровельным материалом служила, скорее всего, солома, не исключено использование шкур. В нижней части кровля укреплялась двумя-тремя рядами плит, аналогичных тем, которые использовались для облицовки котлованов (рис. 9.4, 5).

Дымовое отверстие должно было располагаться над очагом, который служил для приготовления пищи и обогрева помещения в холодное время года. Однако пример беструбных (черных, или курных) печей показывает, что после их топки необходимо проветривание жилища (Бломквист 1956: 255 — 256). Поскольку тепловой эффект (в плане сохранения тепла) открытого очага значительно меньший по сравнению с черной печью, то для поддержания определенного температурного режима должны были использоваться жаровни, уголь для которых нагревался в очаге. Жаровнями служили, очевидно, низкоортные открытые сосуды типа сковород; во фрагментированном виде они встречаются в большинстве помещений.

Все помещения оставлены их обитателями в спокойной обстановке. Об этом свидетельствует как отсутствие следов пожаров, так и каких-либо пригодных для употребления предметов. Нет и скоплений бытовых отходов. Немногочисленные находки представлены почти исключительно фрагментированными лепными сосудами, причем развалы последних имеют ремонтные отверстия, т.е. оставались сосуды, не пригодные для транспортировки и дальнейшего использования. Не зафиксированы также следы столбов и деталей кровли, которые, по-видимому, перевозились обитателями на новое место. Периодическое оставление поселка можно объяснить истощением природных ресурсов в его округе, причем переселение происходило в пределах ограниченной территории.

В ближайшей округе (с радиусом в 2 — 7 км) археологическими разведками выявлено еще семь поселений эпохи поздней бронзы, но только на одном из них, Бурун-Эли, проводились стационарные раскопки. Для поселения Бурун-Эли также характерны углубленные жилища с каменной облицовкой котлованов, однако сохранность

построек здесь значительно хуже, чем на Бай-Кияте. Последнее объясняется как более интенсивной выборкой камня, так и уровнем залегания культурного слоя, который выходит на дневную поверхность и в основной своей части распахан. На Бурун-Эли зафиксировано не менее четырех строительных периодов, причем перестройка раскрытых помещений имела более радикальный характер (Колотухин 1990: 137, сл.²). На остальных памятниках работы ограничились сбором подъемного материала и закладкой небольших шурфов с целью определения характера и мощности культурного слоя. На поселении Северное выявлены развалы камня, на поселении Скалистое 2 — угловая часть углубленного до предматерикового суглинки жилища с каменной облицовкой котлована. В Скалистом стены (прослеженная длина 4,2 и 1,4 м) впущены в накопившийся ранее культурный слой, внутри жилища открыта не связанная с ним хозяйственная яма с материалами эпохи поздней бронзы. Таким образом, несмотря на незначительность раскрытой площади, здесь прослеживаются три строительных периода.

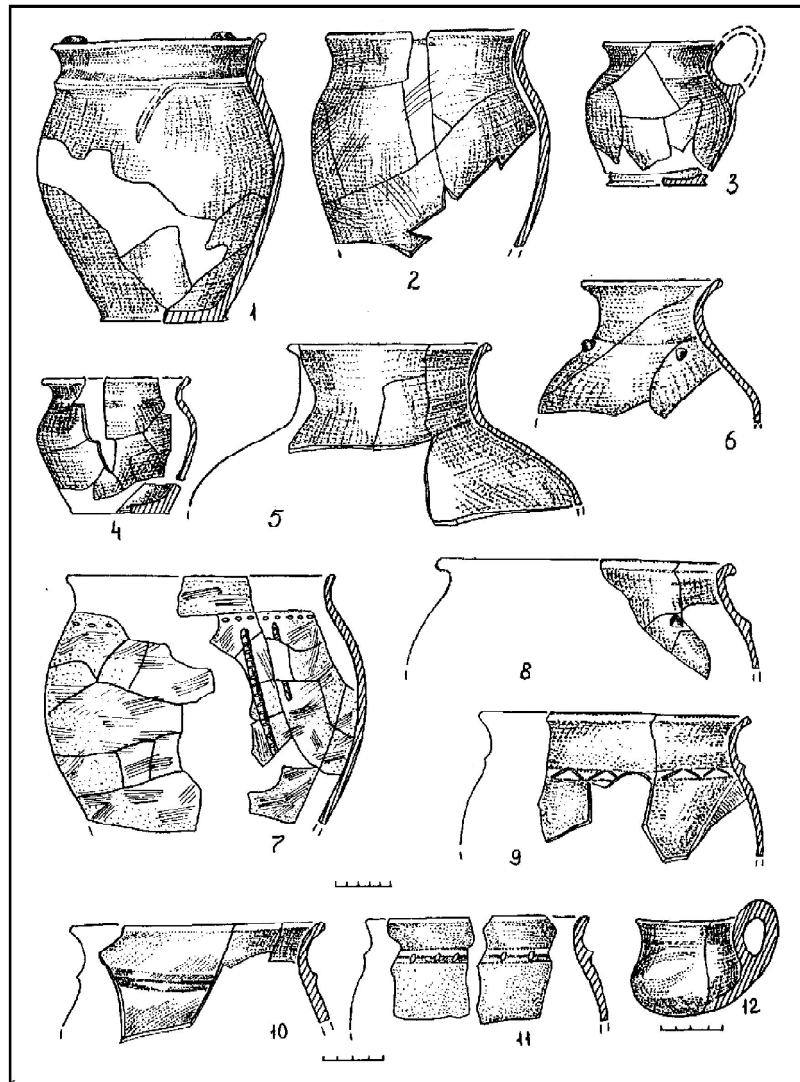
На поселении Водопойное 1, территория которого распахана лишь частично, на нераспаханном участке каменные кладки выступают на поверхность. Не вызывает сомнения, что в древности на таких поселениях, как Водопойное 1, Скалистое 2 и Бурун-Эли, уровень дневной поверхности находился выше, а современное его состояние является результатом водной и ветровой эрозии почв, тогда как на поселении Бай-Кият культурный слой, напротив, перекрыт золовыми отложениями. На поселении Котовское 1, расположенном также в прибрежной полосе, в 5 км от Бай-Кията, у подножия слабо выраженного водораздела, культурный слой эпохи поздней бронзы перекрыт делювиальными наносами. Микрорельеф местности является, таким образом, одним из факторов, который обусловил степень сохранности культурных отложений древних поселений, а иногда и разных участков одного поселения.

Эти и другие природные процессы не всегда в достаточной степени учитываются при изучении древних поселений, в том числе при реконструкции жилищ эпохи бронзы.

Жилища с углубленными котлованами, облицованными рваными плитами, в Крыму выявлены на позднебронзовом поселении Кирово (Лесков 1970: 13, сл.), а также в Каменке, где содержались материалы средней и поздней бронзы. Группу однокомнатных прямоугольных в плане помещений В.Д.Рыбалова связывает с культурой многоваликовой керамики. Не имея возможности проверить обоснованность этого вывода, я бы хотел обратить внимание на поразительное сходство (если не идентичность) построек Каменки и Бай-Кията. Совпадают в це-

² В публикации не отражены результаты раскопок 1990 г.

Рис. 16. Керамика из помещения XIII

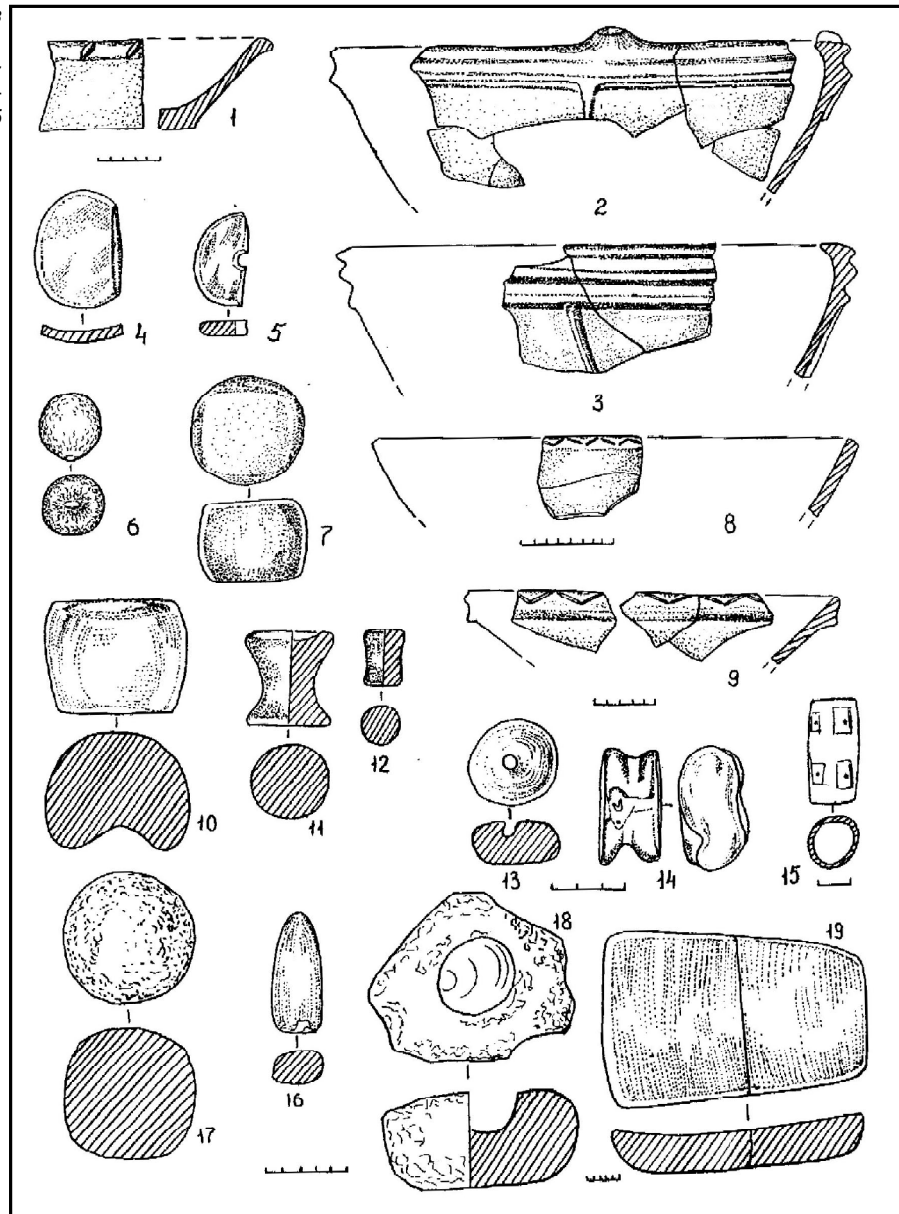
лом размеры помещений, их планировка, характер облицовки стен, наличие «коридорообразных» входов, каменных ящиков-хранилищ, прямоугольных очагов, ограниченных по периметру вертикально установленными плитками (Рыбалова 1974: 31 — 32). По мнению исследовательницы, вертикальные кладки из массивных плит, установленных на дно котлованов, глубина которых не превышала 0,2 м, служили основной опорой стен и перекрытий (Рыбалова 1974: 41).

Жилища с незначительно (от 0,4 до 0,8 м) углубленными котлованами и каменными основаниями стен, установленными на дно этих котлованов, наряду с другими типами жилища, характерны, согласно И.Н.Шарафутдиновой, для большинства сабатиновских поселений. В качестве особенностей домостроительной техники сабатиновцев автор отмечает наличие второго ряда кладки — внешнего панциря, расположенного на древнем горизонте, в 0,3 — 1,5 м от внутренней стены. Учитывая незначительность каменных завалов, предполагается сооружение вертикальных стен из дерева, сырцового кир-

пича и глиняных вальков (Шарафутдинова 1982: 36, сл).

Не касаясь вопроса о наземных постройках хозяйственного и иного назначения, существование которых не вызывает сомнений, хотелось бы обратить внимание на недостаточную обоснованность подобной реконструкции для жилищ с углубленным основанием. Это относится, прежде всего, к тем случаям, когда котлован облицован плитками на ребро. Дело в том, что вертикальное положение последних, как и отсутствие прочного фундамента, делало их неустойчивыми, и они не могли служить основанием вертикальных стен, сколь легкими бы они ни были, и нести к тому же дополнительную нагрузку в виде кровли. Что же касается стен из плит, уложенных плашмя, в сочетании со стенами из вертикальных плит, то здесь мы имеем дело, как показывает пример Бай-Кията, с восстановлением или перестройкой более ранних жилищ. Аналогичная картина прослежена на поселении Вороновка II в Северо-Западном Причерноморье (Ванчугов, Загинайло, Кушнир, Петренко 1991: 12, сл.). В данных условиях един-

Рис. 17. Находки из помещения XIII. 1-5, 8, 9 — глина; 6, 7, 10-13 — камень; 14, 15 — кость

ственно возможным типом кровли представляется шатровая или пирамидальная с падающими на рунт скатами; назначение внешнего «панциря», уложенного на древний горизонт, — служить опорой для стропил, а «почти всегда незначительные» завалы камня связаны в таких случаях не с развалами стен, а с креплением нижней части крыши по ее периметру. Данная реконструкция применима и к жилищам поселения Вороновка II, которые аналогичны жилищам поселения Бай-Кият. Авторы раскопок рассматривают 26 помещений, располагавшихся вплотную друг к другу, как единый архитектурный блок (Ванчугов 1990: 30, сл.; Ванчугов, Загинайло, Кушнер, Петренко 1991: 9, сл.), однако там, как и в северо-западной части поселения Бай-Кият, сгруппированы, по-видимому, разновременные жилища. Не затрагивая некоторых спорных моментов предлагаемой коллек-

тивом авторов реконструкции, отмечу главный: сооружение кровли над подобным «блоком» при техническом уровне того времени — дело сверхсложное, если вообще возможное.

Исследователи, как правило, достаточно скрупулезно фиксируют последовательность застройки поселений, но нередко, исходя из представления о непрерывности существования жизни на том или ином из них, увязывают в конечном итоге все постройки в «блоки», «ансамбли» или «комплексы», функционировавшие на каком-то временном отрезке одновременно. По этим представлениям, древние поселки, подобно современным, постоянно расширялись и уплотнялись за счет пристройки к более ранним новых помещений (Погребова 1960: 79; Погребова, Елагина 1962: 8). Действительность, по крайней мере, автору этих строк, представляется несколько иной. Поселения эпохи бронзы

существовали относительно недолгое время, не более половины столетия, и жизнь возобновлялась на каждом из них через разные хронологические промежутки. Прежние места обитания привлекали, по-видимому, прежде всего обилием готового строительного материала в виде камня от прежних построек, к тому времени сгнивших и великовозрастных. Не исключено, что иногда (а может быть, и чаще всего) возвращались прежние поселенцы и их потомки. Именно кратковременность существования поселений обусловила выработку жилищ определенного типа, обеспечивающих оптимальную защиту от неблагоприятных влияний внешней среды при минимальной затрате труда и строительных материалов, прежде всего дерева, дефицитного в степных районах. Люди строили не на века и отдавали себе в этом отчет.

Полуземлянки с шатровыми и пирамидальными типами кровли и падающими на край кот-

лована скатами были распространены в эпоху бронзы на большой территории. Они характерны для срубных поселений Волго-Уральского междуречья (Лопатин 1995: 6, сл.), для срубно-андроновского круга памятников Казахстана и Средней Азии (Кузьмина 1986: рис. 5,1,7,1,5), для белозерско-тудоровских поселений Северо-Западного Причерноморья (Рафалович, Черняков 1982: 54, сл.). По-видимому, к этому же типу относятся кобяковские жилища, хотя исследовательница этой культуры реконструирует их по иному (Шарафудинова 1980: 42). В зависимости от местных условий для облицовки котлованов использовались дерево, камень или глиняные вальки. Основываясь на анализе широкого круга источников, Е.Е.Кузьмина пришла к заключению, что подобная полуземлянка являлась основным типом жилища пастухов евразийских степей (Кузьмина 1981: 114). Новые материалы подтверждают это заключение.

2. Материальная культура и вопросы хронологии

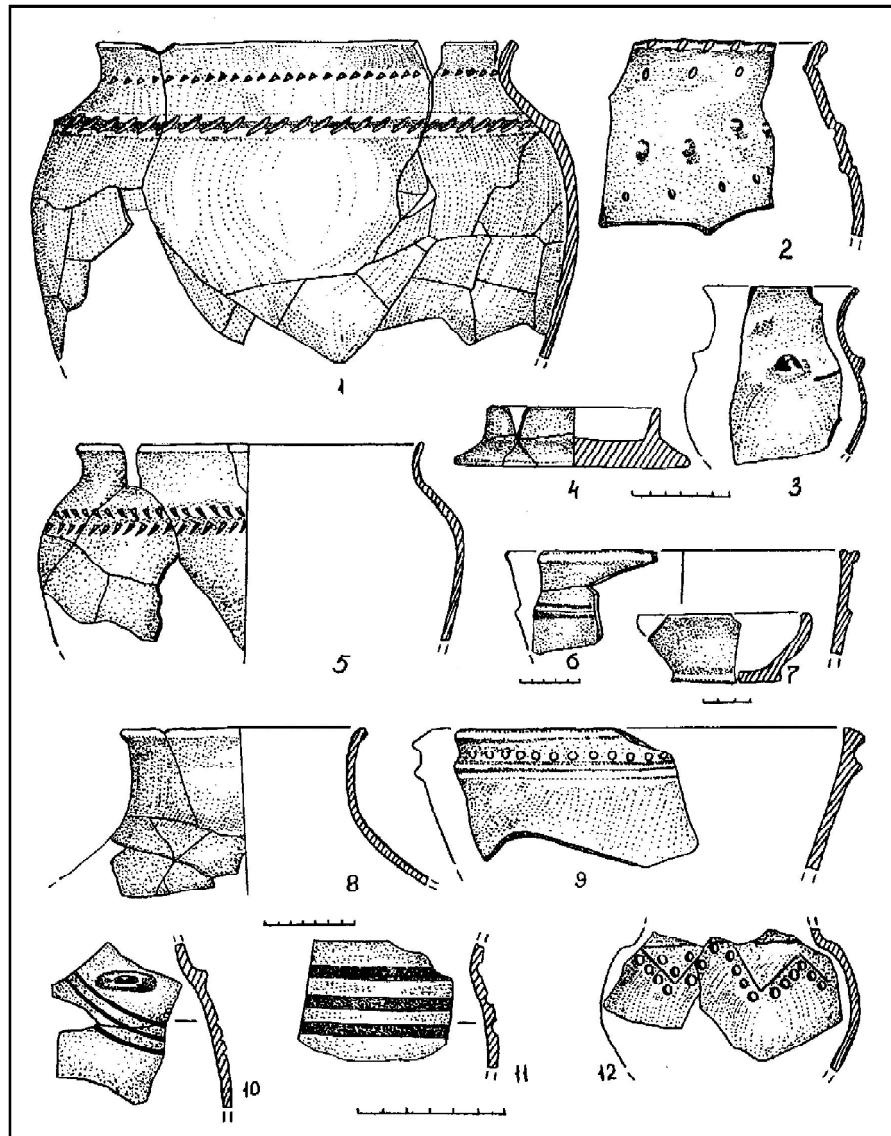
Как и на других поселениях эпохи поздней бронзы, на поселении Бай-Кият основную массу находок составляет лепная посуда, представленная, за немногими исключениями, в сильно фрагментированном состоянии. По функциональному назначению она подразделяется на две группы — кухонную и столовую; в состав первой включены нелощенные горшковидные сосуды, в том числе крупные, служившие, очевидно, тарой, а также сковороды-жаровни, в состав второй — корчаги, миски, чашки, черпаки, кубки и лощеные горшковидные сосуды.

Подавляющее число профилированных частей сосудов принадлежит кухонным горшкам. Наружная поверхность данной группы посуды шероховатая, но обработана, как правило, тщательно, внутренняя часто подлощена; цвет обычно неровный, буро-коричнево-черный, встречаются экземпляры монохромные — коричневые, черные, бурые. Незначительную часть (не более 10%) составляют фрагменты горшков с гребенчатыми расчесами. Тесто черное, плотное, с естественными примесями известняка. Судя по диаметру венчиков, размеры горшков значительно варьируют — диаметр края колеблется от 12 — 14 см до 34 — 36 см; несколько позволяют судить об этом реконструируемые экземпляры, наибольший диаметр приходится на середину или верхнюю половину высоты сосуда. Горшки, высота которых соответствует диаметру тулова или превышает его, имеют стройные пропорции (рис. 11,1,2,3; 13,12; 14,1; 16,1,2), те, у которых диаметр тулова больше высоты, приземистые (рис. 14,2; 16,4). Примерно половина горшков имеет валики, которые опоясывают плечики или основание шейки сосуда; у сомкнутых валиков на плечики опущены «усики», у несомкнутых — один или оба конца. Валики, за немногими исключениями, низкие,

иногда едва выделены и напоминают, скорее, уступчик в месте перехода шейки в плечико; они бывают как гладкими, так и расчлененными ногтевыми вдавлениями, косыми параллельными нарезками или отпечатками мелкозубчатого штампа и нарезками в виде зигзага. По плечикам горшков без валиков также иногда проходит ряд насечек, нарезок в виде зигзага (рис. 13,5; 14,8,10,12) или нарезок в «елочку», выполненных острым предметом (рис. 18,5). На двух фрагментах насечки нанесены непосредственно под венчиком (рис. 10,10), несколько фрагментов имеют треугольные вдавления «лопаточкой» (рис. 12,16). К числу единичных образцов относятся фрагменты горшков с условным орнаментом: а) валик расчленен ногтевыми вдавлениями, ниже его проходит ряд вдавлений, нанесенных непосредственно на тулово (рис. 12,10); б) расчлененный мелкозубчатым штампом валик дополнен одним рядом треугольных вдавлений на шейке (рис. 18,1); в) от ряда вдавлений на плечиках опущено два коротких, расчлененных нарезками валика (рис. 16,7); г) расчлененный валик сочетается с отпечатками на тулове мелкозубчатого штампа (рис. 12,15). Эти усложненные или комбинированные орнаменты выполнены в местном, характерном для керамики данного поселения, стиле. Несколько горшков имеют нетипичный орнамент: а) с орнаментальным поясом, выполненным отпечатками мелкозубчатого штампа (рис. 14,11); б) с четырьмя рядами отпечатков полой трубочки на шейке и плечиках (рис. 13,11); в) с рядами наколов, каждый из которых нанесен с противоположной стороны, в результате чего вдавления чередуются с выпуклинами-«жемчужинами» (рис. 18,2); г) с тремя язычковыми налестками на венчике (рис. 16,1).

Сковороды-жаровни характеризует плоское,

Рис. 18. Керамика
из хозяйствен-
ных ям и из слоя

относительно массивное дно, чаще всего с выступающим поддоном, и низкие, конические стенки; диаметр венчика колеблется в пределах 24 — 36 см, высота стенок 4 — 8 см, однако встречаются фрагменты, принадлежащие сковородам как большего, так и меньшего размера. Фактура и тесто такие же, как и у горшков, но здесь преобладают буро-желто-коричневые тона, тесто чаще всего более рыхлое, обработка поверхности более грубая. Венчик гладкий или с насечками в виде зигзага, косыми параллельными нарезками, пальцевыми и ногтевыми вдавлениями; иногда в результате нанесения орнамента с наружной стороны венчика образовывалась неровная закраина, и он в разрезе приобретал клювовидную форму, под венчиком у многих сосудов проходит гладкий валик (рис. 10, 2-4; 11, 11, 12; 13, 16; 15, 3, 4, 7; 17, 1).

Столовая посуда отличается большим разнообразием форм, хотя в количественном отношении она составляет не более одной пятой от общего числа керамических находок. Вся она,

за исключением случаев, которые оговорены ниже, лощеная, качество лощения различно, но преобладает высокое, цвет поверхности тоже различный — черный, коричнево-серый и коричнево-бурый. Корчаги, как минимум, двух типов. Из помещения II происходит единственный полностью реконструируемый экземпляр с короткой узкой горловиной, отделенной от тулова уступчиком, тулово раздутое, наибольший диаметр смещен к придонной части; высота корчаги 24 см, диаметр венчика 12,4 см, тулова 30 см, дна 12 см (рис. 11, 15). Ко второму типу относятся фрагменты, главным образом, горловины, судя по которым корчаги имели высокую прямую или слабо изогнутую шейку и раздутое тулово; плечики одной корчаги имели врезной орнамент, характер которого, однако, неясен (рис. 10, 17; 15, 1; 16, 5; 18, 8; 19, 9). По-видимому, корчаге принадлежит фрагмент крупного тонкостенного сосуда с врезным орнаментом в виде горизонтальной «лесенки», к которой сверху и снизу примыкают треугольники, заштрихован-

ные горизонтальными линиями (рис. 15,13). Миски также двух типов. Миски первого типа представляют собой открытые сосуды с коническими или слегка изогнутыми стенками; по характеру оформления венчика среди них можно выделить три варианта. У мисок первого варианта плоский широкий венчик, оттянутый внутрь или внутрь и наружу; в первом случае он имеет резко выраженную клювовидную форму, во втором — близкую к Т-образной. Одна фрагментированная миска с Т-образным венчиком неорнаментирована (рис. 19,17), у остальных не-

посредственно под венчиком проходит массивный одинарный или двойной валик с опущенным на тулово отростком (рис. 13,10; 17,2,3; 19,13,18), или заменяющая валик пролощенная горизонтальная линия, ниже которой располагается пролощенный геометрический орнамент (рис. 19,14,22). Те и другие имеют на венчиках уплощенные налепы, у мисок с пролощенным орнаментом венчики украшены отпечатками трубочки или острого предмета, у одной от налепа на венчике опущен вертикальный валик (рис. 19,22). У мисок второго варианта скругленный

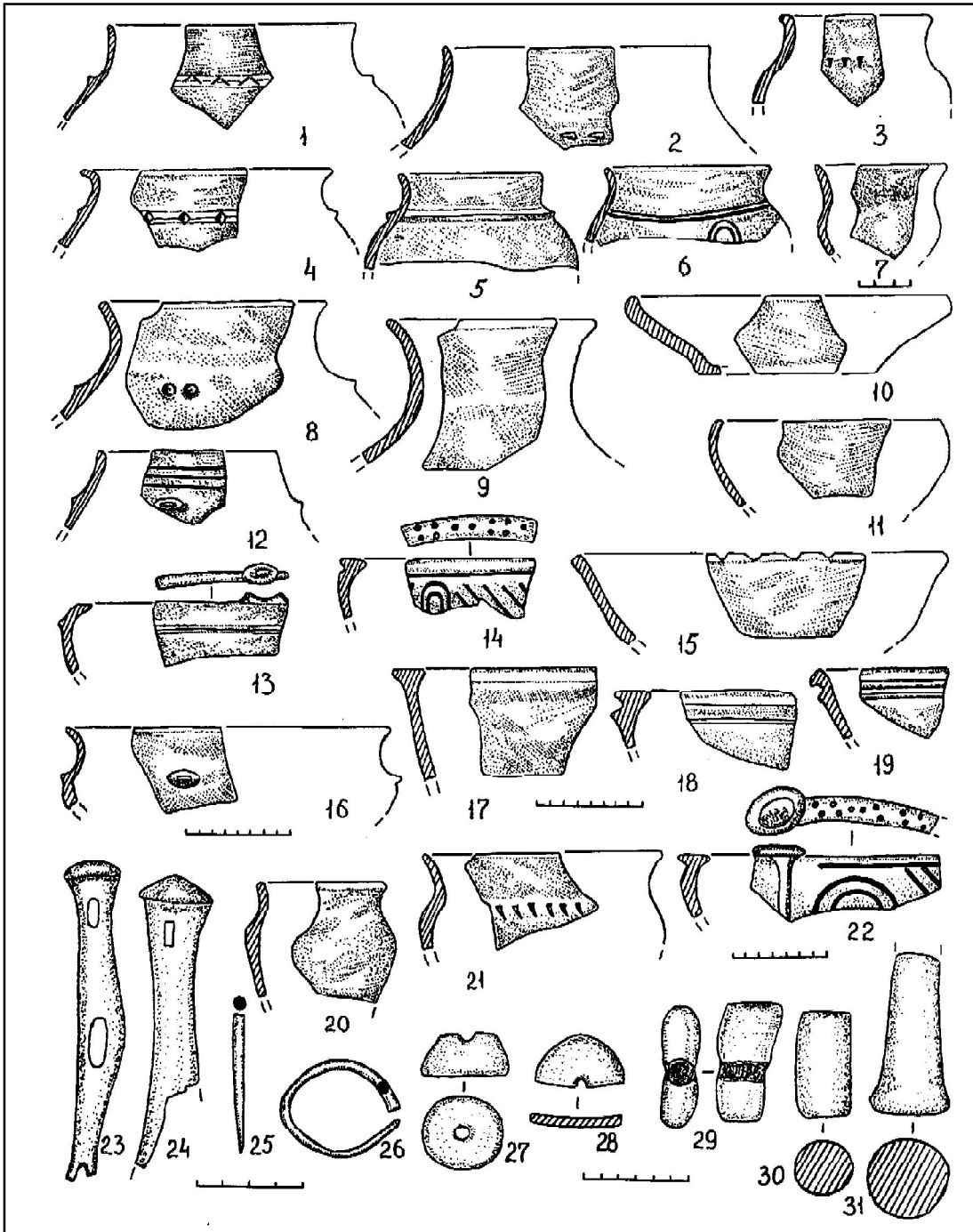

Рис. 19. Находки из помещения 1974 г. 1-22 — керамика; 23-25, 27 — кость; 26 — бронза; 29-31 — камень.

или приостренный венчик выступает наружу; у одной фрагментированной миски горизонтальный валик опущен на 4,5 см ниже края, у остальных он проходит непосредственно под венчиком, в одном случае между венчиком и валиком располагался ряд отпечатков трубочки (рис. 13,17; 18,6,9; 19,19). Миски третьего варианта имеют косо срезанный венчик, расчлененный нарезками в виде зигзага, толщина которого соответствует толщине стенок; они неорнаментированы или украшены гладким валиком, расположенным под краем (рис. 11,12; 17,8,9). Миски первого типа крупные, диаметр венчика составляет у них 40 — 42 см; миски первого варианта лощеные, лощение чаще всего высокого качества, миски второго и третьего вариантов с шероховатой или сглаженной поверхностью.

Ко второму типу относятся миски «шлемовидной» формы с короткой, дуговидно изогнутой шейкой и уплощенно-шаровидным туловом; плечики иногда выделены едва заметным уступом, дно плоское или округлое. Сосуды низкие — диаметр тулова ровно в два раза превышает показатель высоты и составляет 28 — 32 см, диаметр венчика 24 — 28 см. Из помещения II происходит фрагментированная неорнаментированная миска и обломок второй, орнамент на которой образуют пролощенные треугольники, заполненные отпечатками кольчатого штампа (рис. 11,13,14). На миске из помещения X орнамент врезной (рис. 13,1), на миске из помещения XII выполнен в технике лощения (рис. 15,2), из этого же помещения происходит фрагмент второй миски, на котором сочетается рельефный, в виде короткого валика, нарезной и пролощенный орнамент (рис. 15,14).

Чашки отличаются от мисок, главным образом, небольшими размерами — диаметр венчи-

ка составляет у них 12 — 22 см. Они также двух типов — с коническими или дуговидно изогнутыми стенками и «шлемовидные» с короткой шейкой; первые неорнаментированы или украшены гладким валиком, опоясывающим сосуд (рис. 10,8,13; 19,11), вторые имеют на плечиках сосцевидные налепы (рис. 19,16). Находки фрагментов чашек на поселении буквально единичны.

Лощеные горшковидные сосуды аналогичны кухонным горшкам средних размеров с диаметром венчика от 12 до 27 см; у них невысокая шейка, слабо выпуклое тулово, переход шейки в плечо плавный или выделен уступчиком. Для этой группы посуды характерен рельефный орнамент в виде коротких косых валиков и сосцевидных налепов, расположенных на плечиках (рис. 11,4,8; 13,4; 16,8; 19,6,8). Несколько фрагментов принадлежат лощеным сосудам с раздутым туловом, они отличаются от корчаг короткой шейкой, от «шлемовидных» мисок — небольшим диаметром горловины; один такой фрагмент имел пролощенный орнамент (рис. 15,8).

В группу кубковидных сосудов входят черпаки и кубки, которые из-за сильной фрагментированности материала не всегда удается дифференцировать. Один черпак плоскодонный, его высота 12,5 см, диаметр тулова 13,5 см (рис. 16,3), второй круглодонный, шейка выделена горизонтальной врезной линией, по плечикам проходит двойная волнистая линия; высота сосуда 12 см, реконструируемый диаметр тулова 12 см, венчика 9,5 см (рис. 15,5). Третий фрагментированный черпак нелощеный, он отличается от первых двух небольшими размерами — его высота 6 см, диаметр тулова 8 см, венчика 7 см (рис. 16,12); он происходит из помещения XIII, ручка аналогичного черпака найдена в помещении XII (рис. 14,9). В целом, фрагменты

Рис. 20. Помещение II. Вид с юга. Фото

Рис. 21. Помещение II.. Вид с северо-востока. Фото

ручек на поселении единичны — всего их найдено менее 10 экземпляров. Несколько более многочисленны обломки кубков, хотя общее их число в составе керамического комплекса также весьма незначительно. Высота кубков варьирует от 8,5 до 14 см, диаметр тулова от 8 до 15,5 см. Пропорции кубков позволяют выделить в данной группе посуды три типа. К первому относятся кубки с высокой горловиной, составляющей половину высоты сосуда, и с низким, как бы сдавленным ко дну, туловом; в основании шейки в одном случае проходит двойная горизонтальная врезная линия, от которой на тулово опущены двойные углы (рис. 10,16), в другом — двойная пролощенная линия, ниже которой расположен зигзаг из коротких каннелюр³ (рис. 13,15). Кубки второго типа имеют шаровидное тулово, диаметр которого немного превышает показатель высоты сосуда, шейка прямая или дуговидно изогнутая, ее высота составляет одну треть от общей высоты сосуда. У одного фрагментированного кубка тулово украшено косыми каннелюрами, у одного на плечиках расположен сосцевидный налlep, остальные неорнаментированы (рис. 10,6,9,14; 12,14; 18,3). По-видимому, к этому же типу относится кубок с шаровидным туловом, горловина которого не реконструируется; переход шейки в плечо у него выделен уступом, ниже расположена врезная линия в виде зигзага, окаймленная отпечатками кольчатого штампа (рис. 18,12). Кубки третьего типа призмистые, чашевидной формы; у них короткая шейка и широкое устье, диаметр вен-

чика немного меньше диаметра тулова, один из них украшен врезным орнаментом, а другой — пролощеным (рис. 156,7). Два фрагментированных нелощеных кубковидных сосуда, которые относятся, скорее всего, к группе черпаков, происходят из помещения 1974 г. (рис. 19,7,20).

Единственным экземпляром представлен фрагментированный лощеный сосуд с воронковидной горловиной и сосцевидными налlepами на плечиках; диаметр венчика у него составляет 12,5 см, шейки 9 см, тулова 19,5 см (рис. 16,6).

К числу других керамических изделий относятся крупные дисковидные крышки, два фрагмента какого-то изделия цилиндрической формы без дна (рис. 11,5), маленькие, грубо изготовленные чашечки (рис. 12,11; 14,6), плоскодонный с шаровидным туловом сосудик, возможно, светильник (рис. 14,5), низкорортный сосуд типа сковороды на массивном поддоне (рис. 18,5), обломки дисковидных «крышечек» из стенок сосудов и прясла (рис. 10,11; 15,12; 17,4,5).

На втором месте по количеству находок стоят изделия из камня, среди которых преобладают предметы шаровидной и близких к шаровидной форме типа боласов преимущественно из мягких пород — из известняка, ракушечника, а также из мелкозернистого песчаника (рис. 12,18; 17,6,17). Из этих же пород камня изготавливались терочки дисковидной, усеченно-конической и иных форм (рис. 12,23,24; 17,7). Следующую группу изделий из камня представляют оселки и песты. Оселки песчаниковые, в плане трапециевидной, в разрезе подпрямоугольной или овальной формы (рис. 12,3,4). Некоторые из них отличаются от аналогичных по форме и

³ Канеллированный орнамент отличается от пролощенного лучшим качеством исполнения, а также большей глубиной и шириной полосок.

размерам пестиков только по сработанности или заполированности рабочей поверхности — у пестиков это торцовая часть, у оселков продольные плоскости. Песты изготовлены чаще всего из песчаника или диорита (рис. 12,1; 15,9; 19,30), но встречаются и известняковые, которые имеют небольшие размеры (рис. 17,16). Два фрагментированных песта в виде ножи амфоры изготовлены из мраморовидного известняка, они отличаются высоким качеством — заполированы до блеска и не имеют следов использования в производственных целях (рис. 15,10; 19,31). К числу индивидуальных находок относятся: две маленькие каменные ступки, причем в помещении XIII рядом со ступкой лежал такой же миниатюрный песчаниковый пестик (рис. 12,2; 17,11,12); два фрагментированных молотка, сломанных по сверлином, со следами сработанности на месте изломов, что свидетельствует об их вторичном использовании (рис. 10,12; 12,19); обожженные фрагменты «утюжка» (рис. 12,17); обломок изделия биноклевидной формы (рис. 12,25); плоский камень с двумя желобками с противоположных сторон (рис. 12,26); дисковидное изделие в виде прясла с намеченной сверлиной (рис. 17,13); фрагмент корытообразной ступы (рис. 12,28). Из квадрата 24 происходит верхний камень, а из помещения XIII — плита — основа зернотерки размером 46х30х8 см, сломанная на две части (рис. 12,27; 17,19), в том же помещении был вкопан в земляной пол ракушечниковый камень неправильной формы с лунковидным углублением в центре; размеры камня 30х27х15 см, диаметр лунки 14 см, глубина 7 см (рис. 17,18).

Обычными находками на поселении являются кремневые сколы и желваки, однако изделия представлены единственным фрагментом вкладыша составного серпа или, возможно, наконечника копья (рис. 12,5).

Из костяных изделий относительно часто встречаются астрагалы с зашлифованными плоскостями и проколки (рис. 12,22; 17,14), кроме того, найден обломок рукояти (рис. 12,21), две трубки-муфты, одна из них имеет орнамент в виде прочерченных прямоугольников с точкой в центре каждого (рис. 12,9; 17,15), поясная (?) пряжка с двумя отверстиями по краям, украшенная кольчатый орнаментом (рис. 12,6), «прясло» из коленной чашечки с углублением в центре — намеченной сверлиной (рис. 19,27), а также два фрагментированных стержневидных псаля, относящихся к типу трехдырчатых с разновеликими отверстиями, расположенными в одной плоскости; у одного из них отверстия овальные, у другого прямоугольные (рис. 19,23,24). Оба псаля лежали рядом в хозяйственной яме помещения 1974 г.

Бронзовые изделия немногочисленны. Это игла или проколка с одним плоским концом (рис. 12,8), булава со свернутой в трубку головкой (рис. 12,20), проволочная серьга с одним обре-

занным, другим приостренным концом (рис. 19,26) и деформированный пластинчатый браслет (рис. 12,7).

Несмотря на сравнительно большой объем работ, проведенных на поселении, количество археологических находок и прежде всего реконструируемых керамических форм в целом невелико, тогда как наличие четырех строительных периодов и, как минимум, двух периодов запустения, когда поселок оставался его обитателями, не позволяют рассматривать и этот материал в качестве более или менее единовременного комплекса. Находки с полов помещений могут быть связаны с последним этапом функционирования каждого из них, но они многочисленны, а кроме того и здесь нельзя гарантировать их единовременность, поскольку, во-первых, контуры более поздних хозяйственных ям в песчаном заполнении полуземлянок проследить почти невозможно и, во-вторых, остается проблемной синхронизация жилищ. В этих условиях хронологическая дифференциация материала представляет собой трудно разрешимую задачу. В целом же, набор кухонной посуды ближайшие параллели находит на белозерских поселениях, где широко представлены аналогичные и типологически близкие формы горшков и сковород-жаровен. В то же время, некоторые приемы орнаментации горшков: вертикальные и подтреугольные насечки под венчиком и насечки в виде елочки на плечиках, наколы-«жемчужины» и др. (рис. 10,10; 12,10,16; 18,1,2,5) — более типичны для сабакиновской керамики (Черняков 1985: 62, рис. 23,13; с.63, рис. 24,15; с. 65, рис. 25,2,3). Что касается столовой посуды, то миски с Т-образными, клювовидными и скругленными венчиками и валиковой орнаментацией представлены на позднесабатиновских поселениях Болград и Молога II, а также в собственно Сабатиовке (Черняков 1985: 65, рис. 25,25; с. 72, рис. 31,16; с. 75, рис. 33,11), правда фрагментарность опубликованных сосудов позволяет говорить лишь о типологическом сходстве и не исключает возможных различий в деталях. Аналогичные байкиятским миски выявлены на стоянке комаровской культуры у села Незвиско: здесь имеются сосуды с Т-образным, «клювовидным» и оттянутым наружу венчиком, отнесенные нами к первому и второму вариантам первого типа. Отличия сводятся к характеру налепов: в Бай-Кияте они расположены на плоскости венчиков, в Незвиско имеют форму сдвоенного бокового выступа (Смирнова 1974: 51, рис. 1,3,11,13; с. 54, рис. 3,11). Идентичные байкиятским формы есть в комаровской культуре и в группе чашек (Пассек 1959: 156, рис. 55,6,7), хотя среди других категорий посуды параллелей почти не наблюдается. Эти аналогии представляются трудно объяснимыми — стоянку у села Незвиско Г.И.Смирнова относит к начальной фазе комаровской культуры, где еще не ощущаются контакты с культурой Ноа (Смир-

нова 1974: 60). Столь ранняя дата для Бай-Кията неприемлема.

Еще один круг типологических параллелей мискам первых двух вариантов первого типа обнаруживается среди, в целом отличной от байкиятской, керамики таких культурных групп западного региона, как Пшеничево, Инсула Банулуй, Козия, однако для них характерен углубленный орнамент и прежде всего широкое использование различных штампов (Мелюкова 1979: 24, рис. 3,12,15; Hänsel 1976: Т. 59,1,2; Т. 60,16; Т. 72,1). Судя по фрагментам, мискам из Бай-Кията наиболее близки миски из Козии, при этом есть общее сходство и орнаментальных мотивов, но сам орнамент, как уже отмечалось, исполнен в иной технике (Hänsel 1976: Т. 8,8; Т. 52,1,6). Названные культурные группы Б.Хензель датировал X — IX вв. до н.э., Г.И.Смирнова, опираясь на разработки Хр.Подцувайта, нижний рубеж ограничила серединой X в. до н.э. (Смирнова 1985: 50). Наличие более близких параллелей в комаровской культуре, большее разнообразие форм мисок, а также такой архаизирующий признак, каким является валиковая орнаментация, указывают на иную, независимую от названных западных групп, линию развития этой категории посуды в Северном Причерноморье.

Миски второго типа («шлемовидные») находят ближайшие аналогии на горнокрымских поселениях Луговое и Чуюнча, которые датируются XIII — XII вв. до н.э. (Колотухин 1990: 99, рис. 4,7,8). Характерно, что на поселении X — IX вв. до н.э. у села Фонтаны под Симферополем миски второго типа имеют некоторые отличия — более высокую, выделенную уступом, шейку, иное соотношение диаметров венчика и дна — и сопровождаются крупными лощеными мисками с дуговидными стенками (Колотухин 1996: 117, рис. 17,3; с. 118, рис. 18,3,4), которые не зафиксированы в Луговом, Чуюнче и на Бай-Кияте; на последнем выявлены лишь обломки небольших полушаровидных чашек (рис. 19,11).

На горнокрымских поселениях эпохи поздней бронзы находят наиболее близкие параллели кубковидные сосуды. Следует только отметить, что речь идет о типологическом сходстве, поскольку даже на одном памятнике редко встречаются два абсолютно одинаковых по форме и орнаментике кубка. Однако в горном Крыму эта категория посуды более многочисленна — ее коллекции получены на большинстве поселений, хотя работы на них носили преимущественно разведочный характер. Другое отличие — преобладание на горнокрымских памятниках неорнаментированных сосудов, а орнаментированные, в том числе происходящие из могильников, украшены почти исключительно различными налестками или имеют выдавленные изнутри выпуклины. По-видимому, это объясняется не локальной спецификой памятников, а их

асинхронностью Бай-Кияту. Это подтверждают и материалы поселения Дружное 2, где наряду с типологически близкими, представлены аналогичные формы кубков, хотя в целом их состав не дублирует байкиятский. Имеются в Дружном фрагменты кубков с врезным геометрическим орнаментом, которые, однако, не реконструируются, а также с кольчатым: на одном из них ряды кольчатых отпечатков разделены ломано-волнистой линией, то есть, характер орнамента и его элементы те же, что и на кубке из Бай-Кията (рис. 18,12), но композиция несколько иная (Колотухин 1996: 115, рис. 15,5,6,8,13,14,18). По-видимому, один из периодов жизни поселений Бай-Кият и Дружное 2, культурные отложения которого также разновременны, синхронен или хронологически близок, в пользу чего свидетельствуют и костяные псалии с тремя разновеликими отверстиями в одной плоскости, найденные на обоих памятниках. В целом, поселение Дружное 2, где представлены и материалы позднесабатиновского времени, является более ранним, чем поселение X — IX вв. до н.э. у села Фонтаны, то есть его верхняя дата едва ли выходит за рамки XI в. до н.э. (Колотухин 1996: 54). В свете отмеченных выше сходжений это представляется важным для уточнения датировки поселения Бай-Кият.

За пределами Крыма столовая посуда поселения Бай-Кият находит типологические параллели прежде всего на позднесабатиновских и белозерских памятниках, но фрагментарность материала и отсутствие поселенческих закрытых комплексов не дают почти ничего для сужения обозначенных выше хронологических рамок. Широкие рамки дают и изделия из камня: «утюжок», песты, ступки, зернотерки — представлены на сабатиновских и белозерских поселениях степного Причерноморья (Шарафутдинова 1982: 132, сл.), точно также, как и изделия из кости и бронзы. Исключение представляет бронзовый пластинчатый браслет из помещения II (рис. 12,7) — этот тип украшений, как установил В.П.Ванчугов, бытовал только в XII в. до н.э. (Ванчугов 1990: 114).

Помещение II не относится к числу наиболее ранних построек поселения — оно находится на южной периферии, в отрыве от основного скопления жилищ, и кроме того, в наборе керамики с его пола нет сколько-нибудь архаичных форм (рис. 11). Рядом с ним расположено помещение, раскрытое в 1974 г., их одновременное функционирование маловероятно, поскольку коридор помещения II почти упирается в восточную стенку помещения 1994 г. Стратиграфическая позиция этих двух построек по отношению друг к другу не установлена, но более ранним является, скорее всего, помещение II. Дело в том, что для всех жилищ помещения достаточно строго выдержана ориентация по оси ССВ — ЮЮЗ, тогда как помещение 1974 г., а также помещение XIII, ориентированы с севера на юг,

что, возможно, объясняется изменением направления господствующих здесь ветров. С другой стороны, только в двух последних помещениях найдены относительно крупные фрагменты (причем подклеивающиеся) мисок первого типа; это позволяет их синхронизировать и датировать несколько более поздним временем, чем помещение II. Все это позволяет датиро-

вать поселение в целом в рамках XII — XI вв. до н.э. Учитывая хронологические разрывы между строительными периодами и, соответственно, этапами функционирования поселения, следует иметь в виду, что полученные материалы фрагментарны и не представляют собой комплекса XII — XI вв. до н.э. в сколько-нибудь полном виде.

ЛИТЕРАТУРА

- Березанская С.С. 1990. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. К.
- Бломквист Е.Э. 1956. Крестьянские постройки восточных славян // Восточно-славянский этнографический сборник. М.
- Ванчугов В.П. 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. К.
- Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1991. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. К.
- Колотухин В.А. 1990. Кизил-кобинская культура: генетические корни и условия формирования // СА. №3.
- Колотухин В.А. 1990а. Поселение Бурун-Эли в Северо-Западном Крыму // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье. Вып. I.
- Колотухин В.А. 1996. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. К.
- Кузьмина Е.Е. 1981. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии (II тыс. до н.э.). М.
- Кузьмина Е.Е. 1986. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе.
- Лесков А.М., 1970. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. К.
- Лопатин В.А. 1995. Поселения срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья. — Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.
- Пассек Т.С. 1959. Стоянка комаровской культуры на Среднем Днестре // КСИИМК. №75.
- Погребова Н.Н. 1960. Пересадовское поселение на Ингуле // СА. №4.
- Погребова Н.Н., Елагина Н.Е. 1962. Работы в Тилгуло-Березанском районе в 1959 г. // КСИА АН СССР. Вып. 89.
- Рафалович И.А., Черняков И.Т. 1982. Комратское поселение эпохи поздней бронзы // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. К.
- Рыбалова В.Д. 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. №16.
- Смирнова Г.И. 1974. Стоянка комаровской культуры у с. Незвиско на Днестре // АСГЭ. №16.
- Смирнова Г.И. 1985. Основы хронологии предскифских памятников юго-запада СССР // СА. №4.
- Черняков И.Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. К.
- Шарафутдинова Э.С. 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (Кобяковская культура) // САИ. Вып. I — II.
- Шарафутдинова И.Н. 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. К.
- Hänsel B. 1976. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn.